

A close-up photograph of a man's torso, wearing a black suit jacket, a white dress shirt, and a dark, striped necktie. The background is black.

МАЙАРАНА
МИСТЕРУ

ИДЕАЛЬНЫЙ
КОНТРАКТ

ДЛЯ ПОДОНКА

Майарана Мистеру Идеальный контракт для подонка

<https://litres.ru/74345863>

Аннотация

Я ненавижу своего босса! Затянуть покрепче галстук на холёной шее или добавить в кофе ложку цианистого калия - вот о чём я мечтаю двадцать четыре на семь. Но вместо того, чтобы воплотить свои фантазии в реальность, я вынуждена улыбаться и делать вид, что всё прекрасно, ведь меня с ним связывает идеальный контракт.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	34
Глава 3	69
Глава 4	101
Глава 5	129
Глава 6	147
Глава 7	164
Глава 8	183
Конец ознакомительного фрагмента.	184

Пролог

Все авторские права на книгу защищены Законом Российской Федерации от

09.07.2023г N 5351-1(ред. от 20.07.2004) «Об авторском праве и смежных

правах». Любое использование авторского контента, включая отдельные

фрагменты на иных ресурсах без согласия автора, запрещено.

Я никогда не чувствовала себя более униженно, чем в этот миг. Стояла на коленях перед парнем и в тысячный раз просила прощения! Конечно, знай я тогда, что он из себя представляет, вряд ли даже словом обмолвилась бы, но сейчас... Сейчас всё совершенно иначе.

— Вы же понимаете, что для моего отца это просто нереальная сумма? У него нет таких денег, — просипела я, сжимая пальцы. Старые шрамы на них ныли от засасывающей бездны в груди. — Он отдаст бизнес, мы перепишем квартиру в центре города, продадим машины, возьмём займы...

— Этого всё равно не хватит, Марина, — улыбнулся кре-

дитор, прожигая меня своим взором. — Он предлагал мне старшую дочь на откуп. Красавицу, умницу...

Я стиснула зубы и попыталась проглотить ком, застрявший в горле, стараясь не представлять, как больно будет Кате, когда она узнает об этом.

— Но даже девственная шлюха не стоит таких денег. Даже если вы все три... — он бросил на меня красноречивый взгляд и взболтнул лёд в стакане с явно крепким напитком, отчего холодные кубики звякнули о стекло, — сдадитесь мне в сексуальное рабство на всю оставшуюся жизнь.

Мне стало плохо. Нет, он ясно дал понять, что ему не нужны секс-куклы, но и выхода никакого не предлагал. Слишком большая сумма, чтобы прощать. Слишком большая, чтобы позволить нам самим найти выход. Отец связался с плохими людьми, это очень хорошо чувствовалось в поведении парня, разыгрывающего шахматную партию. И в его друге, который смотрел на меня с такой же насмешкой и абсолютным безучастием.

— Так зачем ты пришла, Марина, зная, что расплачиваться твоему отцу со мной нечем? — Он протянул руку к шахматным фигурам и сделал первый ход знаменитыми «Е-два — Е-четыре». Прощлую партию он проиграл как полный профан.

— Просить не убивать отца, — едва слышно произнесла я, опустив взгляд.

Тот рассмеялся в ответ. Рассмеялся зло и неприятно, от-

чего я покрылась мурашками. Ведь этот смех не сулил ничего хорошего.

— Он продал каждую из своих дочерей, Марина. Продал тебя и твоих сестёр, как обесцененные вещи.

Я зажмурилась, сдерживая слёзы, пытающиеся пробиться через стену отчуждения. Он был прав. Отец пытался откупиться нами за свой карточный долг, но... Я прекрасно знала: если отца убьют, следующими станем мы с девочками. Так какой смысл во всём? Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понимать, чем всё закончится, если папа умрёт. Может, со смерти мамы он и стал козлом, но... Я знаю, ему нет оправданий. И даже такое горе не очистит его передо мной и девочками. Но я верила, что всё можно изменить. Ему просто нужно очнуться. Понять, что со дня, когда в его жизни не стало главной женщины, прошло много времени и нужно возвращаться.

Да, больно. Да, принимать действительность тяжело, но нам, его дочерям, это сейчас необходимо. Он топит себя и утягивает нас следом. Я не уверена, что смогу и дальше тащить старую дырявую бригантину под названием «семья».

В комнату вошёл какой-то мужчина в чёрном костюме. Он передал заимодавцу отца папку, в которую тот немедленно заглянул и увлёкся чтением. Я же продолжила попытки как-то смягчить его.

— Ваши люди избили и довели папу до сердечного приступа, — проговорила, почти задыхаясь от разрывающей из-

нутри боли. — Если он умрёт, ваша расписка станет ничтожной.

— Если он сдохнет, долг перейдёт по наследству. Думаю, никто из вас не посмеет отказаться, — подтвердил он мои предположения о своих намерениях в отношении нас. — Поэтому в ваших же интересах решить эту проблему как можно скорее. — Кредитор посмотрел на доску, снова сдвинул пешку. — Он говорил, ты окончила курсы секретаря руководителя?

Я не отрывала взгляда от шахматной доски, а потому прекрасно видела положение фигур на ней. Они разыгрывали дебют, но практически сразу перешли в эндшпиль.

Я не хотела думать о вопросах, которые он задаёт. Они звучали безразлично и не вызывали подозрений, поэтому воспринимались пустой болтовнёй.

— Да, — ответила, следя за ходами и привычно просчитывая варианты. Просто на автомате, так сознание пыталось отвлечь от безысходности и отчаяния, что накрывали с головой.

— Играешь? — неожиданно спросил он, отложив бумаги в сторону. — Подойди.

Я не хотела. Вообще не хотела к нему приближаться, потому что прекрасно помнила, как действует на меня его близость. И тем ужаснее себя чувствовала, зная, что он может в любую секунду растоптать мою семью. Ему ведь это ничего не стоит. А вот проигрыш отца принёс ему солидные деньги.

— Подойди, — повторил он уже жёстче, и я поднялась с колен.

Приблизившись, замерла в паре шагов и коротко взглянула на соперника, что играл чёрными фигурами.

— Выиграй за меня партию, — усмехнулся кредитор и снова взболтнул лёд в стакане с янтарным напитком.

Сейчас я поняла, что это был виски. Пахло именно им.

Вновь взглянула на доску, на две чёрные и две белые фигуры. Пешечный эндшпиль. Позиция кажется проигрышной, но на самом деле просто не самая выгодная: есть неплохой шанс на ничью и небольшой — на победу.

Сделав ещё пару шагов, остановилась рядом с ним и двинула короля, надеясь, что противник не просчитает комбинацию. Слишком причудливы будут ходы. Будь я на его месте, попыталась бы выйти к своей пешке, чтобы прикрыть. И именно так он и поступил, пойдя в обход. Быстрые движения фигур по шахматным клеткам, короткое танго, и задумчивые взгляды, бросаемые на меня раз за разом.

— Ты этому с детства училась? — спросил заимодавец.

Я вздрогнула, ощутив прикосновение пальцев к чувствительному месту под коленкой. Дёрнулась в сторону, но парень с силой обхватил мою ногу и сжал до боли, не думая, что останутся синяки.

— Стой спокойно и отвечай на вопрос.

— Да, — выдохнула я. — С девяти лет.

— Ходи, — кивнул он на доску.

— Здесь без вариантов. Это ничья... — начал было соперник, но заткнулся, когда я сделала парадоксальный ход, действительно сводящий всю партию в ничью.

Но это только на первый взгляд. Уже через два хода мой король смёл его пешку, а следом и моя пешка вышла ферзём.

— Шах и мат, — проговорила тихо, убрав руку от фигуры.

Чужие сильные пальцы скользнули вниз по ноге и оборвали контакт, принеся облегчение. Меня колотило от его действий, но я умела держать лицо.

— Хорошая игра, — усмехнулся незнакомец.

Кредитор некоторое время молчал, но я чувствовала, как его жгущий взгляд. Казалось, время замерло и исчезло, оставив меня в вакуумной пустоте, разрывающей на части.

— На данный момент у тебя есть три варианта, Марина.

Я повернулась и внимательно посмотрела в стального цвета глаза.

— Ты можешь несколько ночей провести в моей постели, и за это я прощу... — он прищурился на миг, когда я поджала губы, — скажем, пятую часть долга. Можешь просто уйти, но тогда будь готова к аду, — его губы растянулись в улыбке, которую он тут же скрыл за стеклом стакана. — А можешь принять моё предложение о сотрудничестве и отработать долг.

И только сейчас я позволила себе снова рассмотреть его. Не как кредитора или спортсмена, что каждый день попадался мне на беговой дорожке в парке, нет. Я посмотрела на него

как на молодого красивого парня, от которого перехватывало дыхание, а в животе начинали порхать бабочки. Только в этот раз мужская красота стала острой и отталкивающей, а бабочки в животе превратились в омерзительных тараканов.

— О каком сотрудничестве? — Я сглотнула, просто-таки чувствуя крючок в горле, который он закинул.

Вариантов среди его вариантов нет. Он это прекрасно знал.

Парень снова пригубил из стакана и жарким взглядом проехался по моему телу, будто не видел строгого костюма, прикрывающего всё самое важное.

— Мне нужна личная помощница.

Я уже хотела отказать, аргументируя тем, что ни за какие блага мира не соглашусь стать чьей-то секретуткой, но он не позволил и слова вставить.

— И прежде чем ты откажешься, внесу ясность: я не сплю со своими сотрудниками. Но должность, которую я предлагаю — экстремальная.

Глава 1

Восемь лет спустя

Я люблю босса. Люблю до тошнотворной горечи в глотке. До изжоги, до непрошенных слёз обиды и разочарования и до самого дна собственной ненависти. Люблю и ненавижу! Настолько ненавижу, что в некоторые моменты готова удавить его собственными руками! Настолько люблю, что не могу себе позволить даже взглянуть на него косо, когда особо сильно хочется придушить.

Только улыбка. Белозубая, профессиональная. Такая, от которой у мужиков вокруг дар речи пропадает.

— Ты перенесла встречу с Койчовским на завтра?

— Да.

Чёрный костюм идеально сидит на его спортивной фигуре. Не зря, гад, трижды в неделю в спортзале гантели тягает, пока меня на беговой дорожке мучают.

Завязываю галстук стального цвета и едва удерживаю порыв, чтобы не затянуть удавку на крепкой шее. Всего одно движение, которое мечтаю сделать уже долгих восемь лет.

— Сегодня на совещании Карпов должен озвучить результаты исследований от аналитиков по... — Он нахмурился, пытаясь вспомнить название компании, которую собирается

выкупать.

— По «Метком», — напоминаю я с улыбкой, крепя зажим на самое идеальное в мире орудие убийства собственного босса.

— Да. После совещания возьми у него копию данных, чтобы позже я более подробно изучил вопрос.

— Будет сделано, Сергей Андреевич.

Я отхожу на шаг и придирчиво рассматриваю шефа в костюме. Как всегда — идеально.

Подхватываю с комода планшет со сводкой новостей и протягиваю ему, после чего разворачиваюсь и беру прямой курс на кухню, где уже попивает кофе жгучая брюнетка с идеальными формами и бессовестно красивым лицом.

Вежливо улыбаюсь ей, достаю из клатча смартфон и открываю приложение, через которое вызываю такси.

— Машина через десять минут, — киваю ей, снова засовывая руку в сумочку, чтобы вынуть оттуда несколько крупных купюр.

Красотка усмехается, беря деньги. Довольный вид говорит о том, что она очень хорошо провела эту ночь. Они все такие удовлетворённые от него уходят. Три раза в неделю.

Кофе в белую чашку, кусочек сахара и порцию дозированных сливок из холодильника. Всё без эмоций, что привычно обжигают лёгкие.

Я давно поняла: сколько ни гневайся — ничего не изменится. Он любит, чтобы его женщины были идеальны. Зани-

маться их подбором доверяет только мне, как самому близкому человеку в своём окружении. И я терплю всё это вовсе не потому, что мазохистка, а потому, что восемь лет назад я заключила с этим подонком договор, который связывает меня по рукам и ногам.

Что мне остаётся делать? Правильно. Молча беситься, испытывая все прелести неразделённой любви, дурацкой ревности и лютой ненависти. Привычное чувство, от которого на какое-то время меняется голос, вырываясь наружу со странной хрипотцой.

Эти чувства как порочный круг. Мой промёрзший до основания ад.

— Марина, ты заказала мне костюм на завтрашний приём?

— Да, Сергей Андреевич. — Я с улыбкой ставлю чашку на стол перед ним. — Завтра в обед его доставят в офис с курьером.

Он поднимает на меня глаза цвета стали, в которых не отражается удивления.

— Ты всегда сама забираешь.

Не вопрос. Констатация факта. И именно это бесит больше всего, потому что я прекрасно знаю, что он не спрашивает, не пытается понять, почему я вдруг изменила собственным правилам, а приказывает.

— Завтра у меня назначена встреча на это время, к сожалению, я не успею, — отвечаю всё с той же мягкой улыб-

кой. — Доставку примет Анжела, она же позаботится о её сохранности.

Прищуривается на миг, но всё же кивает.

Брюнетка, что провела с ним ночь, неожиданно для нас обоих смеётся, отставляя чашку с кофе.

— Боже, так часто здесь бываю, и каждый раз мне кажется, что вы муж и жена, которые, однако, сохраняют только договорные отношения.

Я снова улыбаюсь, на этот раз уже ей:

— Вас, Карина, ожидает такси.

Шеф молча пьёт. Красотка только усмехается, переводя взгляд с меня на него, но, видя, что наниматель её не оставливает, покладисто встаёт, встряхивает волосами и идёт к выходу, красиво качая бёдрами.

Когда дверь за ней захлопывается, босс лениво выносит очередной приговор:

— Чтобы больше её здесь не было.

Руки просто чешутся дотянуться до идеально завязанного галстука и сделать наконец уже то, о чём так мечтается! Это же замену искать, перебирать варианты, договариваться, ин-структировать!

— Поняла, — послушно произношу я, внося имя Карины в чёрный список, заведённый восемь лет назад и кочующий из смартфона в смартфон.

К слову, тот уже был переполнен, но я не решалась очистить, боясь, что забуду о том, сколько мне пришлось пере-

жить под насмешливым взглядом каждой из них. Жаль только, ещё пары имён тут нет. Любимицы вне всякой конкуренции. Они приходят по пятницам, вызывая у меня непреодолимое желание взять билет на край света и, не сказав ни слова, исчезнуть из жизни Поклонского.

Но договор...

На я мгновение зажимаюсь, чтобы взять себя в руки, и улыбаюсь.

— У нас есть время? — неожиданно спрашивает шеф, чем вводит меня в состояние легкого недоумения.

— На что? — уточняю на всякий случай, хотя понимаю, что он имеет в виду время до начала собрания, которого у него самого может быть вагон. Но всё зависит от того, насколько важное мероприятие он задумал.

Шеф смотрит на мои губы и чуть морщится. Я сразу вытягиваюсь по струнке, готовясь к удару по самому больному. И Поклонский не заставляет себя ждать.

— Отвратительное сочетание оттенков, Марина. Я думал, за годы работы ты научилась подбирать нужные цвета.

Продолжаю улыбаться, но со дна поднимается обжигающая волна ненависти. Когда к нему приходят эти «дамы», он и слова не говорит о том, что малиновая помада не сочетается с ярко-красным платьем, а чёрный бархатный клатч с золотой пряжкой не подходит к лакированным туфлям того же оттенка с серебристыми застёжками. Нет, все они идеальны в другом смысле, до которого мне, наверное, никогда не

дотянуть.

— Это подарок сестры, Сергей Андреевич. Мне казалось, ничего такого...

— Ты прекрасно знаешь, что я ненавижу, когда на тебе что-то не так, — глухо произносит он. — Ты весь день со мной, это будет меня жутко раздражать и отвлекать. Меняй маршрут, едем за другой помадой.

— Не нужно, — отвечаю спокойно, подавив желание достать несчастный карандаш для губ и разукрасить эту надменную рожу. — У меня с собой запасная, нейтрального оттенка.

Внутри всё клокочет от злости и обиды. Но наученная горьким опытом, я стоически выношу прищур стального взгляда, потому что любое проявление ненужных эмоций приведёт к следующему удару. И к следующему. И к следующему. И так до тех пор, пока он не заставит меня позорно разреветься, как какую-то соплячку. И даже тогда добьёт. Знаю, потому что восемь лет назад всё было именно так. Он называл это моральной поркой и закалкой характера.

Принесло ли это результаты? Определённо да. Я теперь даже нож ему в спину могу всадить всё с той же профессиональной улыбкой.

Я люблю своего босса. Люблю и ненавижу настолько, что готова придушить собственными руками и страдать из-за содеянного до конца своих дней.

Шуршание листов и стук пальцев по сенсору планшета. Утренняя поездка на машине, как и сон, даёт мне некоторое время на передышку. Минут двадцать, пока водитель, спрятанный впереди за толстым тонированным стеклом, везёт нас в офис. Потом обязанности захватят меня с головой.

Знаете ли вы, что личный помощник — это раб? Расписание босса важнее собственных нужд, о которых на нормальной работе невозможно забыть. Раньше я этого не знала, пока не попала в руки Поклонского. Мне не светила блестящая карьера в какой-нибудь крупной компании. Я только-только прошла курсы секретаря руководителя и искала работу. Работу для тихой девушки, что спрячется в бумагах или удавится на телефонном проводе. Поклонский сломал всё. Он сожрал моё время, мою жизнь, меня.

Я осторожно покосилась на мужские руки, в которых находился планшет. Из-за солнечного света мне не было видно, что именно он читает, но в какой-то момент его пальцы сжались так, что даже костяшки побелели.

— Всё в порядке? — спросила я, уже уверенная, что день с самого утра покатился в чертову задницу.

— В полном, — ответил он как ни в чём не бывало, поставив планшет на блокировку.

Поклонский никогда не орёт. Никогда не повышает голос и ведёт себя максимально сдержанно со всеми, кто имел глу-

пость пойти не так, как угодно ему. Нет. Он втаптывает в грязь с тихим смешком или вовсе молча. Обыкновенно. Сегодня ты топ-менеджер его компании, имеющий парочку дорогущих авто и виллу где-нибудь на островах, а завтра просыпаешься без работы и с огромными долгами по кредитам, за которые тебе больше нечем рассчитываться. Ему плевать на то, что у тебя на иждивении трое детей и больная мать. Поклонскому не плевать только на себя и всё, что доставляет ему комфорт.

— Позвони в офис, скажи, что мы задержимся, — после некоторых раздумий произнёс он.

— Куда мы? — спросила я, сдержав удивление.

Он не ответил. Тапнул по сенсорной панели на дверце авто, активировав связь с водителем, и тихо, но вкрадчиво произнёс:

— Поезжай на Калитниковское.

Я напряглась, припомнив, что там похоронены его родители. Что происходит? Ненавижу, когда так! В такие моменты у меня начинается паника, потому что я совершенно не понимаю, чего от него ожидать. Любое внезапное требование — и я как щенок в колодце.

Сжала смартфон и набрала секретаря Анжелу, чтобы та поспешила сообщить об изменениях в расписании гендиректора.

— Слушаю, — недовольно пробурчала она в трубку, зная, кто звонит.

— Предупреди замов, что Сергей Андреевич задерживается.

Стачала потрясённое молчание, а потом тихое:

— Что-то случилось?

Если бы я сказала, что случилась война, она, наверное, удивилась бы куда меньше. Это же Поклонский. Перфекционист до мозга костей, ненавидящий менять запланированное и опаздывать. Я даже больше скажу: если бы мы сегодня поехали за новой помадой, вечером я бы получила сполна. Да, иногда он бережёт мои нервы, но только из расчёта, что я буду нужна ему на протяжении всего дня. А вот вечером... Вечером никакие рамки не удержат его от выговора.

— Возникли кое-какие дела, — ответила я ровно и сбросила вызов.

Масштабы переполоха в офисе я себе уже представляла. Директора — тоже люди, несвободные от расписания. Если они задерживаются, задерживается и вся их работа, а это значит, что их помощники сейчас как чумные перераспределяют задачи, проставляя везде вопросительные знаки.

Едва заметно выдохнула, вспомнив свои первые рабочие дни, когда Поклонский намеренно устраивал мне подобные учения. Кажется, он называл это «крещение огнём», из-за которого я по завершении трудового дня получала выговор и психологическую травму.

Сколько раз у меня возникало желание сброситься с какого-нибудь моста? Не счесть. Но меня держала расписка и чёт-

ко прописанная сумма долга, которая в любом случае должна быть возвращена. И если на отца мне было плевать с высокой колокольни, то сестёр я жалела. Они учились на бюджете в хороших институтах, в которые смогли проскочить уже после смерти мамы, а сделай я что-нибудь с собой, потеряли бы такой перспективный шанс и были бы вынуждены устраиваться на работу и выплачивать этот проклятый долг.

Да, с той поры много изменилось. Я справлялась со всеми сюрпризами, которые преподносил папа, но отдала за это гораздо больше.

Я отдала за это восемь лет своей жизни.

Мы стояли у мраморных плит с именами родителей Поклонского. Из слухов в нашей фирме я знала, что они погибли в автокатастрофе, виноват в которой был Поклонский-старший. Поговаривали, будто он был любителем приложиться к бутылке, пока не видит жена, Антонина Васильевна

Мне было интересно, какими они были людьми. А когда я смотрела на босса, в моей не глупой головушке возникали догадки относительно его воспитания. Перфекционистами с навязчивым желанием тотального контроля не рождаются, а значит, у успешного сейчас Поклонского в детстве были серьёзные проблемы в семье.

Посмотрев на его широкую спину, я вздохнула, подумав о том, сколько нужно поменять из-за его внезапной прихоти. А самое забавное заключалось в том, что для босса даже смерть не являлась уважительной причиной опоздания. И тут такой кульбит!

Достала смартфон из кармана пиджака и погрузилась в расписание. Вздохнула, увидев вчерашнюю запись. Сегодня нужно было сопровождать Поклонского на всех встречах. Ненавижу это! Это, нужду сдерживаться и Поклонского! Вот его ненавижу больше всего на свете! Господи, кто бы знал, какими железными должны быть нервы, чтобы много лет подряд укрощать в себе желание придушить этого... этого... Чёрт! Даже в мыслях язык не поворачивается назвать его придурком и снобом!

— Марина?

Я мгновенно разжала пальцы, вскинула взгляд и улыбнулась. Реакция, отработанная годами, доведена до автоматизма.

— Да, Сергей Андреевич?

Босс внимательно посмотрел на мои губы, в этот раз не выказав неприязни — перед выходом я сменила цвет на более приятный для него, — и с каким-то странным выражением произнёс:

— Мне нужно, чтобы ты назначила встречу с Анисимовым.

Я продолжала улыбаться, глядя в его стальные глаза и

старась сдержать очередную вспышку гнева. Гнева, который сжимался в груди в тугой узел и не находил выхода во внешний мир.

Господи, я терпеть не могу общаться с Анисимовым! Озабоченный старикан только и видит, что мои ноги и задницу, которые всякий раз пытается где-нибудь облапать. А возможностей у него море, ведь мой босс любит уединённые встречи. А ещё он прекрасно знает, что этот старый извращенец на всё готов, если видит перспективу быть ко мне поближе. Чего стоили его предложения выкупить меня, словно какую-то вещь. Но самое смешное, что Поклонский может себе позволить меня продать. Вернее, не меня, контракт, но сути это не меняет. Пока договор у него, я в рабстве. Слава богу, что ещё пара месяцев — и всё будет позади.

Я куплю билет на острова и свалю в закат, чтобы забыть о большей части своей жизни, как о страшном сне! А потом вернусь и выйду замуж. Выйду! Рожу ребёнка, и пусть всё катится к такой-то матери, потому что я хочу обычного женского счастья!

А пока... Пока нужно просто улыбаться и терпеть все его выходки, чтобы не сорвать контракт.

— Когда и на какое время?

— Тебя ведь завтра в обед не будет? Вот на это время и назначь.

Моя бровь не поползла вверх только благодаря железному самообладанию. Это было странно. Наверное, так же стран-

но, как неожиданная смена маршрута. Я сделала пометку в расписании и убрала смартфон в карман.

— Поехали в офис.

И вновь он посмотрел на меня. Но уже через мгновение прошёл мимо как ни в чём не бывало.

Я сразу сообразила: пока мы ехали в машине, он что-то нашёл. Вспомнила пальцы, сжимающие планшет, и решила, что нужно просмотреть сводку бизнес-новостей. Видимо, что-то случилось.

— Не отставай, — бросил шеф через плечо.

И я действительно поторопилась за ним, пока он не вспомнил вкус власти над никчёмной девчонкой, которая не шибко хотела расплачиваться по счетам.

Входя в здание офиса, я прикидывала время, которое потребуется для совещания. По сути, самая важная часть — это отчёт Карпова и мнение замов. Но я не думала, что они будут против решения шефа, который уже несколько месяцев ходил вокруг компании конкурента.

— Сергей Андреевич, на совещание — полтора часа. Потом — разговор с Карповым. А в двенадцать — встреча с представителем «ЛовтВинГом».

— Напомни, что с ним, — попросил шеф, убрав смартфон в карман и зайдя в лифт.

Я вошла следом и уже протянула руку, чтобы нажать кнопку, как Поклонский отвёл её в сторону и позволил войти стройной блондинке в сером костюме. После чего сам нажал на нужный этаж.

— Мне двенадцатый, — улыбнулась она.

Мне хотелось только хмыкнуть, зная своего босса. И всё верно: он никак не отреагировал на её просьбу. Это сделала я. После чего встала сбоку от него и как ни в чём не бывало продолжила:

— Насколько нам известно, генеральный директор этой компании собирается проверить сделку с нашим конкурентом, хотя в соглашении, которое мы с ними заключали, чётко прописано, что иные торговые сделки по аналоговым продуктам недопустимы. Ведь именно мы являемся ключевыми партнёрами, делающими им семьдесят процентов прибыли от приобретения их товара. Юридический отдел уже составил претензию, осталось только лично встретиться с руководством, чтобы исключить слив информации.

— Что дальше? — задал он вполне резонный вопрос.

— Поездка на новый завод. Вы хотели посмотреть, как там идут дела.

Двери лифта распахнулись, и мы вышли, не обращая внимания на попутчицу.

Поклонский любит красивых женщин. Очень любит. Но никогда не посмотрит на кого-то на работе. В его черепной коробке вместо тёплого мозга — холодный рассудок. Об

этом вам скажет любой сотрудник нашего холдинга.

Войдя в приёмную, я коротко кивнула вскочившей Анжеле и прошла в кабинет следом за генеральным директором.

Шеф на совещание не торопился. Включил спокойно компьютер, сел в кресло и стал что-то просматривать. Мне же оставалось только ждать, пока он не завершит дела. И, блин, я даже поторопить не могла, потому что... Ну потому что!

— Где хранится отчёт о «Никрекс»?

Я обошла стол и заглянула в монитор через его плечо. Открыта была вовсе не та папка. Всё систематизировано, но иногда нужно помнить не только название организации.

— Посмотрите в папке с годовыми планами.

— Здесь? — шеф навёл курсор на иконку с планами проектов.

— Нет, корневая «Запланировано».

— Здесь?

Господи, мы до вечера будем искать нужную папку! Что с ним сегодня? Он же не любит опаздывать.

Не выдержав, я положила руку поверх его и навела курсор на нужный значок. Кожу словно пронзило током. Пальцы я отдернула, но мы оба замерли, молчаливо переваривая каждый свои мысли.

Зря я это сделала. Несмотря на долгие годы работы, из-за чего я нередко забывалась, отношения у нас не столь близкие. Поклонский не любит, когда его трогают. Он и руку-то пожимает со стеклянными глазами, стараясь отстраниться.

А по завершении общения, когда собеседник уже этого не видит, непременно обрабатывает руки антисептиком. И нет, это не мизофобия. Он спокойно может трогать вещи, не испытывая страха, или пожимать руку лучшему другу Карпову. Скорее, это очередной бзик на почве перфекционизма, к которому я уже привыкла.

Закусила губу, предчувствуя новую бурю, но её не последовало. Прозвучало только холодное:

— Не делайте так больше.

Злится. Обращение на «вы» — первый признак раздражения. Я чисто рефлекторно сделала шаг назад и попыталась сгладить ситуацию:

— Простите, я д-думала, это...

— И не мямлите, Марина, — поморщился он. — Терпеть не могу, вы же знаете.

Я сглотнула и заткнулась, пытаясь подавить в себе ту маленькую девочку, что закатывала истерику по любому поводу. Её давно нет. Я взрослая и рассудительная женщина, а упреки босса меня не трогают.

Вернулась на прежнее место перед его столом, ожидая, когда он закончит, и попыталась представить день, когда контракт утратит свою силу. Осталось ведь совсем недолго.

Поклонский вздохнул, а затем поднялся из-за стола, окинув мою фигуру внимательным взглядом. Я сразу почувствовала себя неловко, хотя уверена, что шеф не видел во мне сексуальный объект.

— Вечером тренировка. Я помню, что у тебя другие планы, но... — Он нахмурился, глядя на меня. — Ты тоже пойдёшь. Мне кажется, ты начала поправляться.

Я замерла, давая реакцию. Улыбка. Только улыбка. Ещё немного, Вавилова. Да, у тебя сегодня встреча с сёстрами. Да, тебе давно пора начать налаживать личную жизнь. Но размер неустойки слишком велик, чтобы послать лесом Поклонского прямо сейчас. Подумаешь, один час на беговой дорожке вне графика тренировок! Не впервой же, в самом деле.

— Хорошо, Сергей Андреевич.

Он кивнул, подхватил рабочую папку, заготовленную мной со вчерашнего вечера, и мы выдвинулись на совещание, где нас ожидала толпа заместителей и их злых помощников, от которых обычно страдала я.

Я же ещё не говорила, что меня считают директорской подстилкой? Впрочем, это станет очевидным несколько позже.

Анжела успела уведомить всех своих коллег-подруг, дать сигнал тревоги, и теперь офис работал как одно целое. Кому, как не мне, знать, что вся эта показуха направлена на удовлетворение Поклонского? Начинала-то я с «бедная девочка, как же ей достаётся от этого чудовища», а теперь в спину звучит только: «Вот стерва! Ты же благодаря нам из всего этого дерьма вылезла». И нет, не благодаря им, а вопреки. Если бы прислушивалась к советам, то жила бы сейчас впро-

голодь, без квартиры, транспорта и денег.

Удивительно, но босс, несмотря на огромный долг, купил мне квартиру, заставил получить права и подарил хорошую машину. А ещё платил зарплату, о которой можно только мечтать. Вот в чём в чём, а в жадности его упрекать нельзя. Помнится, когда я только начала работать, он в компании имидж-консультанта провёл меня по всем бутикам, создавая мне образ. Чувствовала я себя на тот момент тряпичной куклой и часто думала о том, чтобы отказаться от всего, но...

Это пресловутое «но» было всегда. Где и кем я была бы сейчас, если бы не Поклонский?

— Сколько? — привычно спросил босс, скрывая усмешку в уголках губ.

Осмотрелась и честно ответила:

— Трое.

— Делай.

Я кивнула, достала смартфон и набрала сообщение секретарю. Раз в неделю мы стабильно кого-то убирали. Из-за любовью мелочи. Неправильно повязанный галстук, кружка кофе на рабочем столе, заспанный вид, похмелье, пьянство, раздолбайство. Не уволить не могли, ведь это «превентивные меры, Марина. К тому же, в офисе нашего холдинга всегда должна быть свежая кровь».

Едва не поморщилась, вспомнив, каким тоном он говорил тогда.

Ненавидящие взгляды жгли спину, давили, но я продол-

жала идти как ни в чём не бывало. Все знали, что это не моя прихоть, но почему-то искренне считали меня виноватой.

В зале переговоров меня также ожидали злые взгляды помощников директоров, устроившихся на стульях вдоль стены. Одна радость: Поклонский с ними меня не сажает. Здесь я сижу во главе стола по правую руку от него, потому что именно я отвечаю за восприятие информации. Ведь помнить и структурировать — это моя работа.

Все присутствующие мужчины встали в знак приветствия, босс кивнул и занял своё место, как обычно, даже не подумав отодвинуть для меня стул. Я же не женщина. Точно нет. В офисе я сотрудник компании без пола, поэтому...

Горькая мысль отчего-то скользнула в горло и разбухла, причиняя дискомфорт. Я села на своё место, когда Поклонский разворачивал папку и просматривал по диагонали подобранный для него материал. Взглянула на присутствующих и наткнулась на улыбку Карпова. Тот подмигнул и сделал незаметный жест, на который я была вынуждена мотнуть головой. Бровь Карпова, а по совместительству друга моего шефа, поползла вверх. Незаметно пожала плечами в ответ. Слава богу, этот безмолвный диалог не был никем замечен, иначе гореть мне под суровым взглядом начальника.

— Приступим, — дал добро он, после чего потянулись часы переговоров.

Подобные собрания для многих считаются самой сложной частью работы, потому что нужно раскидывать мозгами, за-

поминать, внимательно слушать. Но лично мне на совещаниях проще, чем в полях. Мне очень трудно работать с боссом на выездах. Рядом с ним я постоянно нахожусь в напряжении, и это вымораживает настолько, что к вечеру от чувств и эмоций остаются одни ошмётки.

Уж лучше неподвижно сидеть и слушать о задолженностях, вложениях, прибыли дочерних компаний и прочем, чем ловить каждый звук, издаваемый его губами.

Когда совещание было окончено, а решение касательно «Меткома» принято, все замы стали собираться. Я же перехватила Карпова, чтобы чуть сжать его локоть и отвести в сторону.

— Эй, полегче, — усмехнулся он и привычно пошутил: — Руку оттяпаешь, акула моя ненаглядная.

— Не до шуток, — шикнула на него, поглядывая на Поклонского, общавшегося с замом. — Он просил копию отчёта для изучения.

— М-м-м? — вопросительно протянул этот тридцатипятилетний лоб, не забывая шкодливо улыбаться.

К слову, неженатый и очень даже симпатичный. И характер у него ну просто замечательный, никакой Поклонский и рядом не стоял. Но вся проблема сводилась к одному...

— Марина, помогите мне! — позвал босс.

Да, Поклонский ревнует Карпова. Как я узнала? Он не позволяет ни одной девушке находиться рядом с ним дольше трёх минут. Дружба у них, надо сказать, очень своеобразная.

В самом начале совместной работы я даже думала: а не гей ли он? Но нет, буквально в первый же месяц я поняла, что это просто очень крепкая дружба. Хотя иногда мне кажется, что Карпов не женат именно из-за шефа.

— Я сам занесу, — улыбнулся Никита, кивком отправив меня к боссу.

Стоило встать перед ясными очами шефа, как тот загрузил работой по самое не могу.

— Евгений Андреевич, сегодня Марина будет составлять новый договор с юристами по «Меткому». Очень советую вам присутствовать, чтобы максимально сократить время заключения сделки. Что касается отчёта по доходам, то его нужно пересмотреть. — Босс бросил на меня красноречивый взгляд, и я поняла, что Поклонский опять нашёл несоответствие в документах по новой компании.

Придурки. Знают, что каждый рубль пересчитывает, неужели так сложно перепроверить сводку? Больше всех страдать здесь приходится именно мне, потому что каждое задание пытается порвать меня на много маленьких и всё успевающих Марин.

Хренов перфекционист.

Улыбнулась, достала смартфон и внесла новые заметки, стараясь не думать, сколько всего нужно успеть до тренировки. А точнее до восьми вечера.

— Карпов идёт? — спросил тиран.

— Да, у него назначено сразу после совещания.

— Отлично. Кофе организуешь ты. — Он кивнул замку и пошёл к выходу, точно зная, что я иду следом. — На встречу с представителем я поеду один. Мне нужно кое-куда заглянуть.

Я прищурилась. А вот тайн у нас не было никогда. Поездки в одиночку, если у меня нет особо важного задания, были исключены. Ох, чувствую, сегодняшний день я запомню надолго!

— Сергей Андреевич, вы же помните, что хотели осмотреть новое предприятие?

Поклонский даже не обернулся.

— Вероятно, не получится.

Вероятно? Я нахмурилась. Снова достала смартфон из клатча и открыла сводку бизнес-новостей. Листая страницы, ничего серьёзного не обнаружила, за исключением короткого сообщения о том, что холдинг «Анис» рассматривает возможность приобретения дочерней компании нашего конкурента. Ну, типа, конкурент поглощает конкурента, так ничего необычного же. Тем более это просто дочерняя компания.

— То есть я отменяю поездку?

— А что непонятно, Марина? — Он остановился и обернулся, уставившись в мои глаза острым как бритва взглядом.

Мать моя! Сердце едва не остановилось. Я сжала смартфон и забыла, как дышать. Чисто рефлекторно. Потому что Поклонский зол как чёрт и готов сорваться на первом попавшемся под руку сотруднике. На мне. Всегда на мне.

— Мне в-сё понятно, — вытянулась я. — Я о-отменю.

Шеф поморщился, дёрнул узел галстука, пытаясь его ослабить, и выдохнул, когда не получилось.

Я сделала осторожный шаг вперёд и, не поднимая глаз, вернула желанное орудие убийства в исходное положение.

— Прости, — сказала глухо. Подняла взгляд и улыбнулась. Как всегда улыбалась, когда хотелось придушить вот в такие моменты.

Босс бережёт мои нервы, но нередко и сам срывается в беспочвенную агрессию. Единственное, что от меня требуется, — не реагировать, не провоцировать и терпеть всё, что бы он ни сказал в порыве злости. Раньше это часто заканчивалось моими слезами, но... Но это моя работа.

— Всё в порядке, — продолжила улыбаться я, делая шаг назад. — Что бы у вас ни случилось, я рядом.

Обычно эта фраза срабатывала, но сегодня Поклонского перекосило. Он резко вдохнул, развернулся и направился в свой кабинет.

Что это было? Никогда прежде я не видела его в таком состоянии. Ощущение, будто сижу на пороховой бочке.

Глава 2

— Не смотри на меня так, я не думала, что подобное может произойти. — Анжела поджала губы и в очередной раз начала набирать номер телефона химчистки.

Вот только мы обе знали, что это бесполезная затея, потому что рубашку из египетского хлопка так быстро и без последствий почистить не смогут.

— Скажи мне одно: почему ты умудрилась сдать запасные вещи в химчистку только сегодня?

Я вздохнула, беря себя в руки, схватила со стола клатч и обернулась, когда Анжела положила трубку.

— Я забыла.

Забыла... Он же мне мозг чайной ложечкой съест.

Хотелось взвыть, ибо мои натруженные ноги, уже давно покорившие высоту классических шпилек, сейчас ныли от усталости.

— Принеси ему ещё кофе с лимоном и скажи, что я вернусь через пятнадцать минут. И Карпову передай, что ему к двенадцати нужно зайти в отдел маркетинга, иначе они его с потрохами сожрут.

Анжела поморщилась, во всех красках представив, что и как ей скажет Поклонский, но выбора-то особо не было. Мне тоже перепадёт, когда я принесу ему новую рубашку. Потому что поход займёт далеко не четверть часа, как хотелось бы.

Машина-то возле его дома стоит, а водителя брать сейчас себе дороже.

Выдохнула и полетела решать внезапную проблему. Отвыкла я как-то от подобных марафонов. Обычно всё просчитано на много дней вперёд и не требует лишних энергетических затрат. Конечно, форс-мажоры случаются, но сегодня с ними явный перебор.

Выйдя из здания, я помчалась ловить такси, которое, к слову, как сквозь землю провалилось. В сторону общественного транспорта я даже не смотрела, в итоге машину пришлось заказывать и ждать, нервно оглядываясь по сторонам. Хорошо, что в современном мире можно практически любые проблемы решить с помощью гаджетов, иначе вечером от Поклонского мне бы пришёл капец. Что, кстати, всё ещё грозит, если день и дальше будет катиться квадратным приветом коту под хвост.

Такси приехало минут через пять. На дорогу ушло ещё пятнадцать. До бутика, в котором я покупала боссу рубашки, можно было добраться и быстрее, но большой город и час пик. Плюс время на выбор в салоне, хотя я едва ли не с манекена рубашку сорвала, потому что подходящий размер был только на нём и на складе. В итоге обратно я неслась как угорелая. Не знаю, как уцелели шпильки на давно разношенных туфлях, но вот ноги... Даром что бегаю по утрам уже лет десять. Боль адская!

— О, ты быстро! — удивлённо встретила меня Анжела.

— Ху-у-у, — выдохнула я, не имея сил хоть что-то сказать.

Одышкой я не страдала, но ноги подкашивались от боли, а волосы наверняка растрёпаны. Быстро подошла к зеркалу, стараясь унять дыхание, и привела себя в порядок.

А ведь вечером ещё и тренировка. На кой она мне с таким ритмом работы? Наобоот калориями приходится восполнять, чтобы в весе ничего не терялось.

«Мне кажется, ты начала поправляться».

Когда кажется, креститься надо! Не могла я располнеть. Никак не могла. У меня каждый день взвешивание, чтобы, не дай бог, лишние полкило не отложились или не растаяли.

Выдыхай, Вавилова. Нечего сейчас закипать, а то нарвёшься.

Когда заходила в кабинет шефа, выглядела приличнее некуда. Правда, встретили меня эпичной фразой:

— Я сам на ней женюсь, если этого не сделаешь ты.

Карпов так улыбался, что захотелось треснуть его пакетом по голове.

— Если она согласится, то я не против. — Босс бросил на меня равнодушный взгляд и встал из кресла.

Когда я подошла и поставила пакет на стол, он без вопросов принялся расстёгивать рубашку с пятном от кофе.

Отвернулась, наткнувшись на улыбку Никиты, и несколько секунд внимательно слушала, как хрустит бумажный пакет и шуршит выглаженная ткань новой рубашки.

— Думаешь, откажет? — не унимался Карпов. — Мне кажется, она из тех, кто в первую очередь оценивает шансы. И поверь, в данном случае ты проигрываешь.

— Мне всё равно, — ответил шеф за моей спиной.

Я затылком ощутила его пробирающий до костей взгляд,, но даже не вздрогнула.

— Ты многое теряешь, — хмыкнул Карпов.

— Я здраво оцениваю потери. Это не тот случай.

— Посмотрим, как ты запоёшь потом.

— Всё.

Я тут же повернулась к Поклонскому, перехватив галстук на уже застёгнутой рубашке.

— Мне казалось, что тебе не нужно повторять дважды.

Он говорил это, глядя в моё лицо, отчего я всё же вздрогнула, хотя знала, что фраза предназначена Никите.

— Это тот вопрос, на который ты и пятьдесят раз ответить можешь, Серёг.

Босс не поморщился от такой фамильярности только из-за того, что к нему обращался лучший друг. От другого не потерпел бы.

— И я повторяю: если она согласится, то я не против.

— Это была бы самая удачная сделка, да?

Завязав галстук, я поправила воротник рубашки и отступила на шаг, придирчиво разглядывая внешний вид Поклонского.

— В каком именно случае?

— В твоём, конечно.

Несмотря на то, что сердце стучало в горле, я привычно улыбнулась, взяла со стола пустые чашки и удалилась.

Не могу я спрашивать, о ком шла речь. Не моё это дело. Если Карпов собирается связать свою жизнь с кем-то узами брака, то это хорошо. Но мне невероятно интересно, почему он преподнёс это шефу в форме ультиматума. И почему навязывает какую-то кандидатку в супруги и ему тоже.

Выйдя в приёмную, я поставила поднос на стол Анжелы и уселась на своё рабочее место, не забыв скинуть с ног проклятые раз пятьдесят за сегодня туфли. Самые удобные из всей коллекции, между прочим! Как знала, что день будет ни к чёрту.

— Тебе уже юристы звонили, — прилетело от коллеги, стоило выдохнуть, откинуться на спинку кресла и растечься.

Вот не могла на три секунды раньше сказать? Вечно ждёт самого «подходящего» момента.

Только я надела туфли, как из кабинета вышел Карпов, причём вышел с улыбкой до ушей и направился ко мне.

— Мариш! А ты чего вечером делаешь?

Я даже ответить не успела, как активировался селектор и прозвучал голос Поклонского: «Марина, зайди. Сейчас».

Захотелось захныкать, как в детстве. Лечь на пол и застучать ногами, но...

«Вам пора вырасти, Марина!» — так он всегда говорил на какие-то мои финты.

— Простите, Никита Михайлович, но вечером у меня тренировка. — Я поднялась из-за стола, мельком отметив усмешку Карпова.

Да, он хоть и симпатичный, и не женат, но предпочтение я всегда отдаю Поклонскому. Потому что он моя работа в любое время суток. Он мой крест уже восемь лет и моё проклятие, которое ни одна ведьма не снимет.

— Я задам тот же вопрос завтра, — донеслось мне в спину.

Пожала плечами, даже не обернувшись.

Бесполезно это. Босс и завтра найдёт, чем меня занять. Чует он такие моменты. Как только в моей жизни что-то намечается, так у нас непременно возникают дела или обстоятельства.

Я вошла в его кабинет и мельком осмотрела обстановку. Поклонский стоял у окна, глядя вдаль и разминая шею. Это действие меня встревожило, как и беспорядок на его рабочем столе.

Беспорядок.

У перфекциониста.

Ну, вы поняли.

— Что-то случилось? — спросила я в лоб. — Вы с утра сам не свой.

Он даже не обернулся. Молчал какое-то время и всё смотрел в окно, потирая шею. Галстук уже ослаблен, манжеты на рубашке отогнуты, а спина напряжённая.

— Всё в норме, — ответил глухо.

Интересно, он сам-то понимает, насколько неубедительно это звучит?

— Зачем звали?

Поклонский обернулся и скользнул по мне безразличным взглядом. Тем взглядом, который я больше всего ненавидела.

— Ты уже позвонила секретарю Анисимова?

Ага. Десять раз. И все десять ровно в тот момент, когда бежала в офис сломя голову с твоей рубашкой в зубах.

— Ещё нет, — натянула я улыбку. — Что-то изменилось?

Шеф засунул руки в карманы брюк и снова отвернулся к окну.

— Никаких изменений. Просто хотел узнать, чем ты занята в рабочее время, если не можешь полноценно выполнять свои обязанности.

Шпилька кольнула больно, но я молча позволила ему очередную порку. За много лет я уяснила для себя, что любые оправдания приводят лишь к тому, что после подобных разговоров становится только больнее. В борьбе с этим чудовищем у меня нет никаких шансов. Он априори победитель.

— Это всё? — спросила я, когда тишина затянулась.

— Нет. — И замолчал снова, словно издеваясь.

Я выдохнула, ожидая продолжения и чувствуя, как гулко и через раз стучит в груди сердце.

Чёртова любовная тахикардия.

Как ни старалась не видеть в нём мужчину, по которому сохла последние лет пять, никак не могла. Приворожили меня к нему, что ли?

— На следующей неделе, скорее всего, придётся ехать в Ялту. Разузнай побольше о владельце «ЮжПро-8».

Боже... Что ещё за поездка? На кой вообще?

— Сколько у меня времени?

Он обернулся и бросил чуть жёстче, чем обычно:

— У тебя вообще времени нет. Что там с юристами?

Вот с... собственными руками бы удушила!

— Как раз собиралась к ним.

— Долго собираешься.

Сжала зубы, внимательно глядя на ослабленный галстук на его шее. Без тени сомнений сделала несколько шагов и, подойдя вплотную, тронула за плечо, молча прося повернуться. Потом с деланым, очень деланым спокойствием затянула узел. Жаль, не со всей силы.

Холодный как сталь взгляд обжигал лицо. Я чувствовала, как он скользит по кончикам ресниц, линии носа, очерчивает губы...

Сглотнула, поправила воротник его рубашки и с улыбкой отступила.

— Позвольте идти?

Не знаю, что случилось, но босса снова перекосило.

— Машина готова?

— Водитель ждёт, — ответила я, припоминая, давала ли

ему распоряжение отвезти босса на встречу.

— Иди. Вечером на тренировку, не забудь.

Я удивлённо посмотрела на него, но выражения лица уже не увидела: он снова отвернулся.

Почему он напоминает мне то, что безукоризненно было внесено в моё расписание? Он же знает это. Знает меня как облупленную, знает, что я ни за что не пропущу поставленную им задачу.

Выходила из кабинета в растрёпанных чувствах, потому что совершенно не понимала, что с ним происходит. Спрашивать напрямую — всё равно что горох об стену швырять. Нужно выяснить иными методами.

Карпов! Вот кто поможет мне в сложном деле. Уж этого-то балабола на пару лишних фраз в адрес Поклонского раскрутить как нечего делать.

— Тебя юристы ищут, — не без злорадства пропела Анжела.

Я вздохнула и молча отправилась в отдел мозголомо. В моих силах уволить засранку. Но только из-за того, что она не соблюдает субординацию терять опытный кадр? Ну уж нет! Нянчиться с новичками мне хочется ещё меньше, поэтому такую малость я могу и перетерпеть. Ничего страшного, пока босс не слышит и не видит такого отношения. До неё уже две вылетели отсюда со свистом, когда стали зарываться. И с тем же свистом я потом натаскивала Анжелу, доходчиво объясняя, что шеф не любит бабский трёп на работе. Поэтому

му серпентарий разводить здесь не стоит.

Анжела, конечно, послушалась... на пару месяцев, а потом, видимо, серпентарий сам принял её в свои ряды. Другого объяснения шипения в спину от десятка сотрудниц, с которыми она тесно общается, я найти не могу.

К слову, пока шла, пару таких звуков отхватила от Оленьки из бухгалтерии и Карины из отдела снабжения. Дамы непринуждённо общались на лестнице — видимо, пересеклись, — да так и остались, сцепившись языками.

Я слышала только «Шу-шу-шу, Карина», пока не прошла мимо. И уже потом дерзкое «Церберша» в спину. Не обернулась. За восемь лет работы меня как только не называли. Сначала «бедняжка», потом «Иуда», потом «директорская стерва». Теперь вот адской псиной кличут.

Когда-то было обидно, но позже на змеиный яд у меня выработался стойкий иммунитет. И уже не так важно, кто кроет матом или разливает на ценные бумаги кофе. В моей должности есть волшебные плюсики, которые помогают решить подобные проблемы. Я могу раздавать увольнения, как Виктория Нуланд — печенье на майдане. И босс даже слова против не скажет до тех пор, пока не возникнут проблемы в работе офиса. А они не возникнут. Слишком хорошо я знаю последствия отсутствия шестерёнок в этом механизме, чтобы допустить поломку. Сначала я ищу замену, и лишь потом убираю деталь.

Хмыкнув, достала смартфон и внесла новую запись. До-

берусь, когда будет чуть больше свободного времени.

Остановилась возле отдела маркетинга и, взявшись за дверную ручку, замерла. Взрыв женского смеха ясно дал понять, что Карпов в своём репертуаре. Развлекается в рабочее время, пока другие пашут, не чувствуя ног.

В близком окружении Поклонского у всех свои плюсы. Лучший друг, например, может делать всё, что ему вздумается. Максимум, как его накажут, — выговор и депремирование. Но я вас умоляю, один месяц без существенной директорской надбавки? Там зарплата, как... Впрочем, неважно. В общем, Карпов, как всегда, развлекается.

Потянула на себя дверь и вошла, отметив, как все смеющиеся бабочки тут же поблёлки и бросились к своим рабочим столам, оставив начальницу и Никиту смотреть на моё пришествие в одиночестве.

— Добрый день, Людмила, — кивнула я женщине и тут же переключилась на будущий объект пыток. — Никита Михайлович, мне нужно с вами поговорить.

Карпов тут же расплылся в улыбке, взял меня за руку и, не прощаясь с сотрудницами отдела, вывел из кабинета.

— Я весь внимание, — улыбнулся стервец, искоса взглянув на камеру видеонаблюдения.

Прищурилась на миг, посмотрела по сторонам и, никого не обнаружив, задала вопрос в лоб:

— Что происходит?

— О чём это ты, лисичка моя ненаглядная? — продолжил

Никита. — Вроде ничего не изменилось.

Вот кто-кто, а лисичка тут точно не я. По глазам видела, что Карпов что-то задумал.

— Или ты выкладываешь мне всё сейчас, или я...

— Что, Мариша? — снова растянул он губы в улыбке. — Уволишь меня?

Скрестила руки на груди, сощурилась, глядя наглой морде в глаза.

— Значит, не скажешь?

Карпов принял серьёзный вид, обхватил пальцами моё запястье и потянул на себя, ломая закрытую позу.

— Я знаю, что тебя беспокоит Поклонский. Но если он сам не расскажет, то и я не стану. — Никита сплёл наши пальцы в интимном жесте и чуть наклонился. — А ты постарайся спокойно реагировать на его выкрутасы.

Я выдернула руку и снова закрылась.

— А на твои выкрутасы мне как реагировать? Что ты делаешь?

Ответом мне стала усмешка. Карпов сунул руки в карманы брюк, демонстративно кивнул, прощаясь, и вернулся в отдел маркетинга.

Я сжала челюсти и склонила голову, давя желание поморщиться. Из этих двоих никогда не получится хороших шахматистов. Нельзя со мной так. Ох, нельзя. Игру они затеяли, гроссмейстеры хреновы.

Ну ладно.

Поправила ворот блузки, почувствовав, что от злости стало душно, и пошла выполнять свои прямые обязанности, пока юристы не забили тревогу из-за моей пропажи.

До двух часов дня несколько человек из самого дотошного отдела ломали мой мозг различными формулировками. И всё бы ничего, если бы не присутствие одного из замов Поклонского. Он задал немало вопросов, благодаря которым моё расписание оказалось существенно скорректировано, и в итоге я тупо осталась без обеда, что очень плохо скажется на мне уже завтра. Стопроцентный отвес гарантирован.

Из юридического отдела не вышла — вылетела. Следовало ещё разобраться с отчётом по доходам, который не понравился боссу, чтоб ему пусто было, а потом можно перекусить, если успею. Если нет, то наведуясь в обитель к своему главному успокоительному, изолью душу и хоть чашку кофе выпью в тишине и спокойствии. Иначе, видит бог, я сорвусь и точно кого-нибудь забью папкой до смерти.

Уже перед финансовым отделом меня настиг звонок шефа, который едва не убил мой самоконтроль на корню.

— Слушаю.

— Почему вы до сих пор не позвонили секретарю Анисимова? Я что, должен всё делать за вас? На кой чёрт мне вообще тогда помощница, если она не может сделать элемен-

тарных вещей?

Нет, он не орал. И да, он был в бешенстве, а я дала повод на мне сорваться, потому что действительно забежалась и забыла, что подобное непростительно.

Дура.

— Я с-сейчас же...

— Не мямлите! — процедил он сквозь зубы. — Я уже договорился о встрече. Ваша задача — внести её в моё расписание и впредь не допускать подобного рода халатности.

И бросил трубку, не желая слушать ответ.

Сжала затрепавший от натиска смартфон и попыталась сглотнуть колючий распухший ком, обосновавшийся в глотке.

Ненавидеть. Ненавидеть — единственный способ избавиться от боли, Вавилова. Терпи, женщина. Уже скоро ты купишь билет и свалишь туда, где тебе будет лучше чем хорошо. Где загорелые парни будут угощать коктейлями и приглашать на вечерние прогулки по пляжу, а потом целовать так, что крыша далеко и надолго сорвётся с места. Забудешь этого придурка-перфекциониста, как страшный восьмилетний сон, и...

Неожиданно ощутила, как по щеке покатилась слеза. Смахнула её и сообразила, что уже минуту стою возле двери в финансовый отдел.

— Твою-то мать! — выругалась я сипло и вошла внутрь с ровной спиной и злым взглядом.

Сотрудники сразу обратили на меня внимание и постарались ретироваться, но... Я тоже умею срываться. По-своему, конечно, но умею.

Сначала прилетело начальнику, который должен был контролировать отчёт по доходам дочерней компании. Потом влетело финансисту, который непосредственно занимался анализом. Мы нашли элементарные ошибки, и я дала распоряжение в отдел бухгалтерии оштрафовать сотрудника и депремировать руководителя. После этого звонка весь отдел смотрел на меня, как на... цербершу.

Ничего. Мне не привыкать.

Получив на руки новый отчёт, я отправилась в кабинет Поклонского, где навела порядок. Случайно наткнувшись на запись в открытом на сегодняшнем числе ежедневнике, застыла.

«Ювелирка 14:00».

Так вот куда ему было нужно! И без меня. Мысли повели себя, как кусочки пазла, становясь на свои места. Я быстро достала смартфон и, вспоминая название дочерней компании, которую собирался купить холдинг Анисимова, набрала её в поисковике.

Но и в этот раз ничего. Ничего не складывалось. В моих знаниях определённо был пробел, о котором знали шеф, Анисимов и Карпов. Первый вряд ли сам расскажет, ко второму не подойду я, а третий дал понять, что не попрёт поперёк воли Поклонского.

«Я сам на ней женюсь, если этого не сделаешь ты», — вспомнила я слова Карпова.

Снова посмотрела на запись, вспомнила раздражительность босса и потёрла занывший висок.

Так о ком шла речь?

Шеф никогда не покупал украшения. Если нужен был подарок, это делала я. Если ему требовались туалетные принадлежности, это тоже делала я. И сейчас мне казалось нелогичным то, что он поехал в ювелирный салон, отложив все дела. Для него это абсурд.

Я выдохнула, захлопнула ежедневник и положила его на место.

Если так подумать, то Поклонский из тех людей, кто женится на работе, поэтому я не исключала тот факт, что, возможно, он принял решение заключить выгодный союз с дочерью какого-то бизнесмена. Наиболее вероятно, что здесь причастен Анисимов, но о его детях мне ничего не было известно. Он никогда не приводил на встречи женщин и никогда о них не заговаривал, если дело не касалось меня. Не думаю, что босс знает больше моего.

Но тогда почему Поклонский так резко изменился? Ещё утром за чашкой кофе он равнодушно выпроводил любовницу, а уже через...

Перед глазами снова мелькнуло воспоминание о том, как шеф с силой сжимает планшет и корректирует маршрут водителя.

Всё же дело в новостях, других причин я не видела.

Снова потёрла висок и бросила взгляд на ежедневник.

Как поглощение дочерней компании конкурента Анисимова связано с решением Поклонского посетить ювелирный салон? Может, её владелец — женщина? И? И, типа, босс помчался жениться, лишь бы Анисимову не досталось? Боже, ну это же бред чистой воды! У него достаточно средств и методов, чтобы заполучить своё менее личным путём.

Никак не укладывается.

Выдохнув, я отправилась в приёмную, отметив, что Анжелины на рабочем месте нет. Взглянула на записи звонков и, не обнаружив ничего интересного, приняла решение добратсья до райского уголочка в этом царстве ненависти и зависти.

Спустившись на один этаж, я с высоко поднятой головой прошла мимо столов с перегородками под пристальными взглядами младших сотрудников колл-центра. Лично мы с ними никогда не общались, но все прекрасно знали, кто я такая и чем могу «наградить» всего лишь за неподобающий вид. Естественно, я старалась не замечать ни ослабленных галстуков, ни пятен от кружек с кофе на столах, ни спрятанных за мониторы стаканов. Но если это было бы слишком очевидно для шефа, то приходилось.

Добравшись до самого дальнего угла с неприметной дверью, я открыла кабинет и, не говоря ни слова, прямо на ходу сбросила туфли. Потом защёлкнула замок и под удивлённым взглядом расстегнула две верхние пуговицы на блузке. Меня

ждало любимое место, к которому я стремительно прошла и заняла расслабленную позу.

— Мой секс, — растекшись на стуле, сообщила я. — Весь день об этом мечтала.

Невысокая блондинка улыбнулась, протянув мне кружку с дымящимся кофе, в которую я буквально вцепилась.

— Я ждала тебя раньше. Плохой день? — Кира открыла верхний ящик и выудила оттуда контейнер, который тоже протянула мне.

— Ты ж моя прелесть, — умилилась я, разглядывая сквозь прозрачный пластик огромный гамбургер. — Это всё мне?

Кира хохотнула и сложила руки под подбородком.

— Я же говорю, что ждала. Знаю, что ты троих сегодня уволить успела. Сильно шипели?

Я достала фастфуд из контейнера и, укусив мягкий бочок, почувствовала хруст свежего огурчика и бесподобный божественный вкус, от которого слюна начала выделяться раньше, чем я начала жевать.

— Ммм... Я так фебя ублю, ты фебе не предфтавляешь, женфина! — Прожевала и уже нормально ответила на вопрос: — День отвратительный, Поклонский — чурбан бесчувственный, сотрудники — в край охренели. В целом всё как обычно, за исключением приступа бешенства босса.

— Лютует? — сочувственно спросила лучшая подруга.

— Не то слово. Похоже, он раздумывает о выгодной женитьбе. — И, наблюдая, как вытянулось её лицо, я добави-

ла: — Это, конечно, чисто моё предположение. Я ещё не до конца понимаю, почему данный факт он пытается от меня утаить.

— И как ты?

Еда мгновенно застряла в сжавшемся от спазма горле. Я сморгнула и сердито посмотрела на подругу. Проглотила кусок вместе с противным чувством, отставила кружку и выдохнула:

— Не жалею. Ты знаешь, что я сразу расклеиваюсь, когда ты так делаешь. Я держусь. В конце концов, он просто мой начальник.

Кира ничего на это не сказала и понятиливо отвела взгляд, меняя тему:

— Я так тебе завидую. Должность захватывающая, постоянно в движении.

— Мне? — Я вздёрнула бровь и обвела рукой небольшой кабинет, предназначенный для сбора бумажной и электронной информации. — Я бы всё отдала, чтобы сидеть здесь и не отсвечивать. Что тебя не устраивает? Парень есть, квартира, машина тоже, работа спокойная и с хорошим окладом. Какая разница? Разве можно променять это на вечную беготню и потребительское отношение шефа?

— Я архивирую макулатуру, а ты архивируешь всю его жизнь. Вот в чём разница, — улыбнулась Кира. — Впрочем, пока ты не станешь свободной, работа будет казаться тебе рабством.

Я махнула рукой и снова вцепилась зубами в бургер.
— Глухой сйепово не поймёф.

Кира из тех людей, которым вечно кажется, что любая активность — это всегда приключения и впечатления. Такие, как она, тихо наблюдают со стороны, но никогда не принимают мер, чтобы взбодриться и что-то изменить. Спокойная девушка, как и я когда-то, не станет лезть в самое пекло ради похвалы начальника, но безуданно повторяет: «Как же я тебе завидую! У тебя так много всего!»

И я действительно не понимала её. Я никогда не гналась за НАСТОЛЬКО активной жизнью. Спорт любила с детства, но натирать мозоли на ногах ради этого не стала бы. Я до сих пор держалась на одном только упрямстве и желании свободно дышать, когда всё закончится. Конечно, я рассматривала вариант дальнейшей работы с Поклонским, если тот будет ползать передо мной на коленях и умолять остаться уже на моих условиях, но нужно быть перед собой честной: подобное не произойдёт, даже если он напьётся до зелёных чертей перед глазами.

Вздыхнула, когда вкусняшка закончилась, допила кофе и с досадой взглянула на мигнувший смартфон. Время вышло, и единственный доступный мне секс окончился.

— Спасибо, солнышко, — улыбнулась я подруге. — Без тебя я бы съела кого-нибудь из подчинённых, а так у них есть весьма неплохие шансы на выживание.

— Ты всегда это говоришь, — хохотнула она. — А на деле

пытаешься выгородить многих сотрудников перед Поклонским.

— Это чтобы у меня было меньше головной боли, — махнула я рукой. Потом поднялась со стула, разминая спину, и подобрала сброшенные туфли. — Кстати, нужно встретиться как-нибудь и посидеть нормально.

Кира взяла контейнер и убрала его обратно в стол.

— В прошлые разы ты постоянно отвечала на звонки шефа, а четыре года назад он увёз тебя пьяную в неизвестном направлении и сделал выговор, после которого, ты вроде как почти не выходная, — она вздёрнула бровь. — Посидим в детском кафе? — не удержалась от шпильки эта мелкая любимая стервь.

Я только нос поморщила, застёгивая блузку.

— Вечно ты мне тот раз припоминаешь.

— Ну конечно, — снова рассмеялась подруга, и я уже знала, что она скажет дальше, чтоб заставить меня скривиться. — Это же не ты призывно танцевала на барной стойке в клубе на спор, а потом пыталась отбить свою подругу у своего же гендиректора?

Да. Сумочкой отбивала. Господи, стыдоба-то какая!

Кира у нас девушка азартная. Очень. И я часто этим пользовалась, чтобы хорошенько развлечься. Но надо признать, тот раз был последним. Услышав мой пьяный голос, Поклонский немедленно примчался и полночи полоскал мне мозги и желудок, обещая утром не только дичайшее похмелье, но и

строгий выговор, который, собственно, и стал причиной моей внутренней кодировки от алкоголизма.

Моя норма — пара бокалов вина за ужином, поэтому с подругой вне стен офисного здания я встречалась крайне редко.

Махнув на прощание рукой, я вышла из архива. Окинув взглядом изображающих бурную деятельность сотрудников колл-центра, чётким шагом отправилась в приёмную Поклонского, очень надеясь, что тот ещё не вернулся из ювелирного салона. Наверняка новых задач нарежет, а мне ещё расписание перестраивать. Всё же поездка на предприятие должна состояться, как бы мне ни хотелось иного.

Первым признаком того, что шефа нет на месте, была болтовня Анжелы по телефону. Конечно, секретарь прервала разговор, как только я вошла, но это вовсе не означало, что она станет приличнее себя вести в моём присутствии. В общем, в итоге я нашла, чем ей заняться. Не всё же мне договора составлять.

Сама старалась не думать о том, куда подевался босс, и до конца рабочего дня занималась его и своим расписанием, пытаясь отвлечься от воспоминаний о последнем с ним же разговоре по телефону. Заодно разместила несколько объявлений на торговых платформах о продаже пары подаренных боссом коллекционных кошельков. Носить я их всё равно не буду, а вот вырученными деньгами вполне могу перекрыть часть долгов отца, нажитых уже после моего устройства на

«работу».

Часто ли я так делала? Да постоянно. Поклонский нередко покупал мне вещи, о которых потом и не вспоминал, а я молча их перепродавала, потому что не питала особой любви к дорогим аксессуарам. Деньги мне нужнее. Кстати, нужно ещё риэлтору позвонить и узнать, как продвигаются дела с договором об оказании услуг. Как-то до сих пор не было времени с ним встретиться.

Подумав немного, я взяла смартфон и вышла в уборную, куда уши Анжелы точно не дотянутся. Набрала номер посредника и договорилась о встрече. Всё равно босс будет занят общением с Анисимовым. Я могла себе позволить полноценный обеденный час, если он, конечно, не напряжёт меня очередным спецзаданием.

Поклонский вернулся только к концу рабочего дня, когда Анжела уже собиралась домой. Напряжённый? Определённо. Холодный взгляд мгновенно пригвоздил меня к моему же креслу.

— Вы закончили с задачами на день?

Вечер обещал быть тяжёлым, потому что мне предстоял очередной мозговывносящий разговор, от которого не было возможности скрыться. Разве что сдохнуть внезапно. Да и то я не уверена, что моему хладному трупiku не достанется ещё и за это. Потому что шеф зол. Потому что снова на «вы».

Улыбнулась привычно и кивнула, поднявшись.

— Будут распоряжения?

Он прищурился, определённо раздумывая над чем-то. Комок страха колыхнулся в груди, ведь я почти услышала тихое «Зайдите ко мне», но Поклонский на короткий миг поморщился, словно представил, как я мямлю в ответ, а потом приказал:

— Собирайтесь. Машину ко входу — через десять минут. Где ваша спортивная одежда?

Я коротко взглянула на уборную, вспоминая, принесла ли сумку после стирки в субботу. Вроде, да.

— С собой.

— Отлично. Собирайтесь, — повторил он и ушёл к себе, не заметив моего удивления.

Снова повторился. Почему сегодня он так рассеян?

Стараясь отложить эти размышления на потом, я вызвала водителя, после чего собрала все важные бумаги в папку, взяла спортивную сумку и принялась ждать Поклонского, который, к слову, задерживался уже на несколько минут. Ещё через пару я постучалась в дверь его кабинета, открыла и застала картину, которая, если не повергла меня в шок, то немало удивила.

Мой трезвенник-начальник сидел в кресле, вертя в руках бутылку дорогого подарочного виски из коллекции Macallan Fine and Rare одна тысяча девятьсот двадцать шестого года, шесть лет назад подаренную британской делегацией, перед которой мне приходилось раскланиваться. На столе стоял пустой бокал, а рядом лежала кубинская сигара.

Мне нужно говорить, что этот некурящий человек в принципе не употребляет крепкий алкоголь? Он на банкетах виски разбавляет яблочным соком два к одному, чтобы пить и не пьянеть. А нужно ли упоминать, что совершить подобное деяние на рабочем месте — самый страшный грех из всех возможных?

Я замерла в дверях, не веря собственным глазам. При мне Поклонский напивался только однажды, и тогда ни к чему хорошему это не привело. Это был самый кошмарный день в моей жизни, о котором я давно забыла. Честно говоря, повторения я не хотела. Только не перед увольнением!

— Босс, вы же не собираетесь?..

— М? — Он поднял на меня безразличный взгляд и отставил бутылку в сторону. — С каких пор ты стала позволять себе подобные вопросы? — И, не дожидаясь ответа, снова спросил: — Машину подали?

— Да, ожидает.

— Прекрасно.

Он поднялся, застегнул пиджак и подошёл ко мне. Остановился, потому что я всё ещё стояла в дверях, и посмотрел в мои глаза. Я видела, что шеф хотел что-то сказать. Молча протянула руки и поправила на нём галстук, размышляя над тем, куда делись злость и раздражение, которые обещали обрушиться на меня по окончании рабочего дня.

Поклонский так ничего и не сказал. Я пропустила его вперёд и последовала за ним. Напряжённое внимание ощутила

в лифте, когда босс устало выдохнул и повернулся ко мне.

— Марина, у вас с Карповым что-то есть?

Вопрос был таким же неожиданным, как налоговая проверка в начале января. Я, кажется, даже взмокла.

— В каком смысле? — оторопело задала вопрос.

Поклонский мгновенно вытянулся. Нет, не физически. Просто ощущение было такое, словно он хмурится и нависает надо мной грозовой тучей. Сделалось неудобно. Я бы даже сказала, настолько дискомфортно, насколько чувствует себя остывший металл ножа между молотом и наковальней. Один крепкий удар — и меня сломает так, что в жизни не соберёшь.

— Какой ещё смысл может быть у данного вопроса, Марина?

— В том-то и дело, что никакого, — ответила я, уже всерьёз размышляя над причинами странного поведения шефа. — С вами точно всё в порядке?

И прежде чем в голове промелькнуло, что можно делать, а что нельзя, я протянула руку и коснулась его лба.

Горячий!

Поклонский перехватил моё запястье и шагнул вперёд, едва ли не вжав меня в стену кабинки.

— Я прекрасно себя чувствую.

— У вас температура, — возразила я. — Никакой тренировки, Сергей Андреевич!

Бросила сумку на пол и свободной рукой достала из кар-

мана пиджака смартфон, но и её он перехватил, заставив обратить внимание на себя.

— Я сказал, что в порядке.

А я почувствовала, как сердце забилося где-то в горле. И на этот раз причиной был далеко не страх. Близость. Я чувствовала аромат его одеколона, который сама подбирала месяц назад в одном из своих любимых салонов. Мятное дыхание, не испорченное алкоголем из так и не открытой бутылки коллекционного виски.

Установившееся молчание резало по нервам, поэтому я посмела выдать сиплое:

— Я должна позвонить вашему доктору.

— Ты должна ответить на мой вопрос. — Он прищурился.

— Между тобой и Карповым что-то есть?

— Нет!

Господи, сейчас мне хотелось придушить его, как никогда. При чём здесь Карпов, если у Поклонского температура и необходимо поставить в известность его врача? Не хватало только простуды или ещё чего похуже.

Босс несколько долгих секунд смотрел в мои глаза, будто пытался что-то в них разглядеть, а затем отступил, выпустив мои руки, и в очередной раз ослабил галстук.

Я тут же принялась искать в контактах его врача, даже после того, как снова услышала упрямое:

— Мне не нужен доктор, Марина.

Двери лифта распахнулись, и я с колотящимся сердцем

поспешила наружу, приложив телефон к уху и вслушиваясь в первые гудки.

— Это не обсуждается, Сергей Андреевич. Сейчас мы едем домой и ждём Миронова. Я не успокоюсь, пока он не сообщит мне причину вашей температуры.

Садясь в машину, я уже знала, что до дома доберусь очень поздно и вряд ли сумею сегодня выспаться. На это останется катастрофически мало времени, потому что Миронов был за городом и добраться до дома босса мог не раньше чем через несколько часов. А поскольку Поклонский не подпустит к себе другого врача, оставалось только проследить за тем, чтобы дома он лёг в постель, не принимая душ, и не шевелился. Вообще. О том, почему он так настойчиво интересовался нашими с Карповым отношениями, я не думала ровно до слов, сказанных в салоне авто.

— Ты прекрасно знаешь, что я категорически против служебных романов.

Я посмотрела на него, пытаюсь уловить посыл.

— Знаю, шеф.

— И понимаешь, что Карпов...

— Понимаю. Между мной и Никитой Михайловичем ничего, кроме приятельских отношений, нет.

Поклонский повернулся, посмотрел в мои глаза и растянул губы в ироничной усмешке. Будто ни единому слову не поверил.

Когда мы добрались до дома и вошли в квартиру, я тут же

принялась перебирать аптечку в поисках градусника, а шефа отправила в кровать. Правда, уже через пару минут стояла под дверью ванной комнаты, ибо кто-то был слишком упёртым, чтобы следовать предписаниям врача. А зная о его излюбленной привычке принимать горячий душ, боюсь, повышения температуры нам не миновать.

— Сергей Андреевич, немедленно выходите! Вам нельзя в душ! Сергей Андреевич!

Ответом был звук льющейся воды. Дёрнув дверную ручку, я замерла, потому что та спокойно поддалась. Ну, конечно, поддалась. Зачем одинокому мужчине запирается в собственном доме?

Так, ладно, Вавилова. Тебе нужно вытащить его оттуда как можно скорее. Иначе всё сорвётся к чёртовой матери и будете работать на дому, как бывало в худшие времена.

Я осторожно открыла дверь и... забыла, как дышать. Боже, он стоял абсолютно голый, протянув руку к двери, будто не успел схватить ручку, и смотрел на меня тем взглядом, который палач дарит смертнику за минуту до казни.

Идеальное рельефное тело, над которым он неустанно трудился в спортзале, намертво приковало мой взгляд. Я никогда не питала слабости к мужским торсам. Но босс на тренировках всегда ходил в рашгарде, и я как-то не замечала особо, а тут...

— Будешь смотреть? — усмехнулся он.

Я протянула ему градусник и мгновенно отвернулась, чув-

ствуя, как горят щёки. Выдохнула тихонько и, надо же, не дрогнула голосом, когда сообщила:

— Вам нельзя в душ.

— По-твоему, это повод врываться ко мне? Я собирался только ополоснуться и переодеться, — ответил он ровно.

— Вам нельзя в душ, — повторила я упрямо. — Одевайтесь — и в постель. Все рекомендации вам даст доктор, когда приедет и проведёт осмотр. Я не хочу... — чуть не ляпнула, что не хочу превращаться в сиделку, но вовремя себя одёрнула, — рисковать вашим здоровьем.

— Можно подумать, — хмыкнул он и закрыл дверь.

Я смотрела на деревянное полотно и чувствовала, как земля уходит из-под ног, а сердце колотится, как ненормальное. Ненавижу, когда так происходит. И усмешки его все эти тоже ненавижу. Самоуверенность и холодность, придирчивость и постоянное желание мне досадить.

Терпеть не могу!

Два месяца, Вавилова. Крепись как можешь, ибо в конце этого долгого и сложного пути тебя ждёт награда, о которой мечтает каждая девушка !

Я выдохнула и отправилась на кухню, попутно набирая номер ресторана. Необходимо дополнить заказ, ведь ужинать мне придётся вместе с ним.

Интересно, мой иммунитет вывезет ходячий под боком вирус? Если нет, то работать будет невероятно сложно. А я давненько, надо признаться, не перебирала документы с

температурой. За восемь лет больничный был у меня только дважды. Оба раза — когда организм не выводил напряжения и давал сбой температурой под сорок. Тогда Поклонский обычно отсыпал мне здоровых звездюлей, дожидаясь стабилизации состояния, покупал билеты и увозил в санаторий на две недели. Дела приходилось делать после, потому что у меня отбирали все гаджеты. А сколько беготни было, когда мы возвращались! Все планы коту под хвост, все договорённости по новой.

Вздыхнула и убрала на место аптечку, а потом присела на кухонный стул, не зная, чем себя занять, пока босс в ванной. Лишь бы послушался и не действовал наперекор.

Вышел он минут через десять, одетый в пижамные штаны и майку. Протянул градусник с таким видом, будто я ему змею подсунула, а не медицинский прибор. Посмотрела на ртутный столбик и с ужасом соскочила.

— Тридцать девять и два!

Посмотрев на меня, как на идиотку, он хмыкнул и пошёл к кофемашине.

— Не смертельно же.

Боже, я впервые в жизни встретила перфекциониста, который очень трепетно относился к здоровой пище, но, когда дело касалось заболеваний, был таким безалаберным!

— Нормальные мужчины при тридцати семи и двух лежат в кровати и искренне верят в скоропостижную кончину, требуя от супруги священника! — вырвалось у меня не без

паники.

Поклонский повернулся, вопросительно вздёрнув бровь.

— Нормальные?

Это единственное, что он смог вычленить из всего сказанного? Я схватила его за руку и повела в спальню.

— Знаете, я никогда не говорила вам ничего подобного, но вы просто отвратительно относитесь к собственному здоровью. Нагружаете себя спортом, — подвела его к постели и сдёрнула с неё покрывало, — работой, — заставила его лечь и села рядом, выпустив горячую ладонь. — Всегда варитесь в эмоциональном котле, не делаясь ни с кем переживаниями. Вы плохой перфекционист.

Краешек его губ сдвинулся в улыбке.

— Ты так разговариваешь со мной, потому что я сейчас плохо себя чувствую и не могу проявить твёрдость?

— Я так разговариваю с вами, потому что... — И умолкла, не зная, что ответить.

В другое время я бы не позволила себе ничего подобного, а сейчас готова была отругать его, как мальчишку. У Поклонского не было никаких симптомов. Он даже выглядел как абсолютно здоровый человек, будто вообще не испытывал дискомфорта. А ведь все мы знаем, как ломит кости при такой температуре.

— Беспокоишься? — прозвучала его догадка.

Я мгновенно одёрнула себя. Смотрела в глаза цвета стали и понимала, что действительно беспокоюсь. Очень. Но ему

в этом никогда не признаюсь.

— Ваша простуда внесёт переполох в расписание. Это лишняя работа, которая сдвинет наш график.

Я поднялась с кровати и, вспомнив, что с высокой температурой не стоит укрывать больного, отправилась на кухню для поиска жаропонижающего. Когда вернулась со стаканом и таблеткой, с удивлением обнаружила, что Поклонский заснул. Водрузила всё на прикроватную тумбочку и села рядом, разглядывая его расслабленное лицо.

М-да, Вавилова. Давно ты его таким не видела, правда? Безмятежно спящий Поклонский — это, наверное, лучшая его версия.

Протянула руку и потрогала горячий лоб.

— Сергей Андреевич, — позвала тихо. — Вам нужно принять таблетку.

Босс только поморщился, а я вздохнула и достала смартфон, решив составить план на завтра. Придётся отменить встречу с Анисимовым. Не думаю, что в таком виде шефу стоит куда-то идти или ехать. Пусть день-другой спокойно побудет дома, не заботясь о делах компании. Всегда успеет заключить свои сделки.

Внеся изменения в наши расписания, я снова посмотрела на него. Просто посмотрела. Абсолютно без мыслей. И поняла, что не могу не совершить того, чего очень хочется.

Отключила все звуки смартфона, открыла камеру и сделала две фотографии. Вертикальную и горизонтальную. Са-

ма не знаю зачем. Захотелось.

У меня за восемь лет нет ни одного его снимка. Корпоративные не считаются, да они и не хранятся у меня на телефоне. Что от них толку, если я вечно где-то за его плечом? Разве не имею права на такую малость за долгие годы работы? В конце концов, у меня от него ничего не останется, когда я покончу со всем этим. Ни подаренной квартиры, ни машины. Ни-че-го. Только два снимка, которые я, наверное, повешу на стену и буду использовать как мишень в дартс, когда станет очень плохо. А мне будет. Я знаю.

Ещё раз посмотрела на него, отметив испарину на лбу, и обратила внимание на учатившееся дыхание. Похоже, жар набирал обороты.

— Сергей Андреевич, таблетку выпейте, — снова потормошила его. — Нужно температуру сбить.

Он открыл глаза и посмотрел на меня так, словно впервые в жизни увидел. Взгляд стеклянный.

— Марина...

Хриплый голос резанул слух, и я поспешила взять стакан с тумбочки, но руку перехватили.

— Не уходи.

— Да я и не думала...

— Не уходи, — повторил он, ввергнув меня в ступор.

Я тут же второй рукой потрогала его лоб и ужаснулась, потому что он горел. Его просто лихорадило.

Блин! Нужно было сразу жаропонижающее давать, а не

любоваться красотами начальника. Идиотка!

— Сергей Андреевич, примите таблетку, — попросила его, пересев к изголовью кровати. Вырвала руку из крепкой хватки и просунула её под горячую шею, заставив приподняться. Свободной же рукой взяла таблетку, затолкнула ему в рот и тут же подала стакан, чтобы запил. Пил он, кстати, очень жадно.

Когда я отобрала пустую посуду и уложила его обратно, он вцепился в мою руку и потянул на себя, заставив лечь ему на грудь.

— Не уходи, — всё повторял хрипло.

— Я здесь, Сергей Андреевич. — Я пыталась высвободиться. — Спите, я буду рядом.

Вот только шеф не сдавался. Настойчиво тянул и в итоге прижал к горячей груди, в которой мощно барабанило сердце.

Я даже растерялась, не понимая, что делать и как себя вести дальше.

— Это точно горячка, — выдохнула я, чувствуя жар его тела через майку. — Шеф, давайте я вам ещё воды принесу.

— Не уходи, — тихо продолжал просить он.

Да уж, Сергей Андреевич. Помнится, когда в последний раз вы просили меня остаться, всё закончилось моими слезами на рассвете.

Глава 3

Доктор приехал только через час, когда температура шефа немного снизилась и он перестал хвататься за меня всякий раз, когда я пыталась выбраться из его горячих объятий.

Когда его разбудил врач, Поклонский немедленно выставил меня за дверь. Хотел отправить домой, но мы оба знали, что не получив нужных рекомендаций от специалиста, за порог я не сделаю ни шагу, в чём он неоднократно убеждался. Потому что мне прекрасно известно, как он соблюдает режим. Никак. Будь его воля, уже завтра вышел бы на работу.

Сделала себе чашку кофе и села за стол, разглядывая плавную линию кухонного гарнитура. Разглядывала и не видела, потому что...

Проклятье, я не могу не думать о том, что произошло! Весь день странный настолько, что голова кругом. И это его «не уходи» будто звенело в голове умоляющим эхом.

Сделала глоток обжигающего терпкого напитка и прислонилась к прохладной стене.

Я солгу себе, если скажу, что у меня не проскакивали мысли о том, что Поклонский ко мне равнодушен. Но я слишком хорошо его знала, чтобы поверить в это. Скорее уж, он настолько привык к моему присутствию, что попросту считал собственностью. Неотъемлемой частью своего комфорта. Отсюда странный вопрос про Карпова. Отсюда же прось-

ба не уходить. Уверена, что уже через несколько минут в его глазах и намёка не будет на иное ко мне отношение. Как тогда, когда он перебрал на встрече выпускников.

Я прикрыла глаза, стараясь подавить воспоминание, всё ещё сдавливающее грудь тянущим неприятным ощущением. Сколько можно повторять, Вавилова? Ненависть — это самый лучший способ избавиться от чувств.

Я глубоко вдохнула и бросила взгляд на дверь, за которой находился объект всех моих проблем. Интересно, а если я внезапно исчезну, у него хоть один мускул на лице дрогнет? Вспомнит ли Поклонаский обо мне на следующий день, когда утром я не войду в его квартиру, открыв дверь собственным ключом? Когда не подберу рубашку и не завяжу галстук, привычно улыбнувшись?

Наверное, нет. Кто я такая? Просто помощница, которой можно найти замену. Ведь «незаменимых не бывает, Марина».

Док вышел минут через двадцать после беседы. Посмотрел на меня с упрёком и неожиданно обвинил:

— Всё было бы гораздо лучше, будь он не настолько истощён морально.

Сердце грохнулось в пятки. Я резко подскочила к врачу и посмотрела в голубые добрые глаза.

— Что случилось?

— Он устал, Мариночка. Устал и подхватил простуду.

Я удивлённо уставилась на него. Такие слова про босса я

слышала впервые.

— Необходим отдых, правильное питание... — Врач взглянул на меня и строго добавил: — Никакой работы! Я найду хорошую массажистку и выпишу пару препаратов от мигрени. Внимательно следите за соблюдением режима. Если он запустит это сейчас, потом станет только хуже.

— У него срыв? — сделала я неожиданный вывод.

Просто по себе помню, что это такое. Когда постоянно находишься в стрессовой ситуации, организм рано или поздно всё равно сдаёт.

— Он у него давно, милочка. Кому, как не вам, должно быть известно, что Сергей Андреевич не любит выставлять чувства напоказ.

Я внимательно выслушала все рекомендации и проводила доктора до двери. Когда вернулась в спальню, увидела, что босс лежит и просто разглядывает потолок.

— Вам что-нибудь нужно?

Стальные глаза нашли моё лицо. Поклонский сглотнул, будто затруднялся ответить, но в итоге всё же выдал просьбу:

— Сделай чай, пожалуйста.

Я кивнула и удалилась на кухню, а когда вернулась с чашкой, услышала твёрдое:

— Поезжай домой. Завтра утром привезёшь мне из офиса отчёт Карпова, я так и не взглянул на него сегодня. И позвони Анисимову, пусть приедет ко мне в назначенное время. Сама же будешь свободна после обеда.

Я поставила чашку с чаем на стол и выгнула бровь, глядя на этого трудоголика. Так и подмывало спросить: «А работу на дом вам не завернуть?» Но, соблюдая субординацию, решила промолчать.

— У вас режим, Сергей Андреевич.

Он посмотрел на меня со всей мощностью своего убийственного взгляда «Да как ты посмел, холоп?!», но сейчас не тот случай, когда я буду трястись. В этом вопросе мы никогда не придём к компромиссу.

— Я накладываю запреты на все ваши просьбы и требования, касающиеся работы. У вас четырнадцать заместителей, как-нибудь справятся, пока вы будете соблюдать предписанный режим.

— Марина! — едва не рывкнул Поклонский. — «Как-нибудь» меня не устраивает.

— Вы знаете, что на меня это не подействует, Сергей Андреевич, — почти кровожадно улыбнулась я. В таких делах я просто режимный кошмар всех трудоголиков.

Мы, наверное, с минуту сверлили друг друга взглядами, пока шеф неожиданно для меня просто взял и не... рассмеялся. Это было как дождь в пустыне. Как луч солнца среди ночи. Как битой по голове в кругу телохранителей!

Восемь лет... За восемь грёбанных лет я ни разу не слышала его смеха. Не видела запрокинутой головы и широкой белозубой улыбки.

Растерянное сердце застучало в груди с утроенной силой,

желая, наверное, разорваться, как камикадзе у цели, пока я во все глаза разглядывала Поклонского, даже не пытаясь понять, что его так развеселило.

— Ты не меняешься! — выдал он, переводя дыхание.

А я молчала. Не знала, что сказать. Да и зачем, вообще что-то говорить, когда дыхание перехватило? Наверное, именно так себя чувствуют набожные люди, стоя перед мироточащей иконой.

— Ладно. — Он взглянул на моё лицо, на котором (я очень надеялась) не было никаких эмоций, поморщился и вздохнул: — Езжай домой. Утром вернёшься, обговорим рекомендации врача.

Я кивнула, пожелала доброй ночи и покинула спальню, а потом и квартиру босса. Только сев в машину, поняла, что всё ещё нахожусь в шоке от увиденного и никак не могу отпустить его смеющийся образ. Будто намертво впечатался в обратную сторону век.

Боже, Вавилова! Выкинь это из своей глупой головы!

За последнюю я схватилась и хорошенько потрепала, пытаясь привести себя в рабочее состояние. Мне ещё нужно домой добраться, подумать о том, что буду завтра делать. Сёстрам позвонить, в конце концов, и извиниться, что сегодня не приехала.

Выдохнула, завела машину и тронулась с места, оставляя жильё шефа позади. До дома добираться недолго, но я не спешила, потому что была слишком рассеянной. Мысли пла-

вали, как ленивые мухи в меду, взгляд то и дело терял дорожное полотно, затуманивая картинку.

Пустая квартира встретила привычной тишиной. На автомате я приняла душ, думая о том, что у Поклонского снова может подняться температура. И эти идиотские мысли сводили меня с ума. А он найдёт аптечку? А примет сам жаропонижающее? А разберётся, что именно нужно пить? А станет ли вообще мерить температуру?

У-у-у-у-у!

Как итог, через два часа я держала в руках смартфон и писала ему сообщение в мессенджер.

«Если у вас поднимется температура, пожалуйста, позвоните мне, я немедленно приеду».

Шеф прочёл почти сразу, а вот отвечать не торопился. Сообщение написал только минут через пять, когда я себя уже раз пятнадцать прокляла. Кто меня дёрнул проявлять излишнее беспокойство? Он давно не маленький мальчик.

«Зачем? Я в состоянии найти таблетку и градусник».

Что, собственно, и требовалось доказать. Я вздохнула и взяла себя наконец в руки.

«Доброй ночи».

Естественно, он не ответил. Не в его манере.

Я положила телефон на тумбочку и уткнулась лицом в подушку. Да, ночь — это то время, когда можно не скрывать эмоций. Когда можно долго думать и перекраивать собственные воспоминания. А ещё просчитывать. Просчитывать чу-

жие замыслы, в коих стала незначительной фигурой, сдвинутой с доски. А в том, что Поклонский что-то делает за моей спиной, у меня сомнений не было. Были только вопросы, которые весь день не давали покоя, как назойливые мухи. Если бы он действительно собрался жениться, неужели стал бы скрывать от меня это мероприятие?

В груди снова неприятно сдавило, и я стиснула пальцами подушку. Верная подруга всегда принимала на себя основной удар, даже когда у меня не оставалось сил на слёзы.

Утро наступило внезапно. Вот я закрыла глаза, думая о событиях прошедшего дня, а спустя минуту открыла, потому что начал трезвонить опостылевший будильник.

Или, мучимая мыслями, я уснула только на рассвете? И новый день сурка.

Ещё не проснувшись толком, я поднялась с постели, взяла смартфон, проверила погоду, пока включала кофеварку, затем открыла заметки и просмотрела все записи, чтобы ничего не упустить. Умылась, подобрала комплект кружевного белья, отутюженную блузку и юбку, отложила всё в сторону и влезла в спортивный костюм.

Утренняя пробежка — одно из важных ритуалов каждого дня на протяжении вот уже десяти лет. Помогает проснуться, собраться с мыслями и принять действительность такой, какая она есть. Уверена, Поклонский без этого страдает, ведь он тоже заядлый бегун. Именно на беговой дорожке мы и встретились впервые восемь лет назад. Тогда я и предполо-

жить не могла, что буду работать на подонка, каких поискать...

Коротко размявшись у подъезда, я приступила к самому лучшему занятию в начале любого дня. Пробежка. Лёгкими пружинящими шагами, кулачки на уровне груди и улыбка. Жалкая улыбка, которая через пару минут станет тёплой и искренней.

Но самое приятное, что в голове пусто. Ты не думаешь о проблеме алкоголизма в семье, о недавно утраченном близком человеке, жизнь без которого стала настолько отвратительной, что нет больше радости. Не думаешь о том, как тебе, средней дочери, выбраться из затруднительного положения.

Просто бежишь, смотришь вперёд, слушаешь бит собственных кроссовок, стучащих по асфальту, и наслаждаешься началом дня, не боясь окунуться в его проблемы.

Замечательно для этих целей подходит беговая дорожка в парке протяжённостью в пять километров. Два круга — и можно домой, выжимать одежду.

Девчонки никогда не понимали моего увлечения, считая это дуростью. Я со школы влюбилась в движение, в напряжённость мышц в ногах и ощущение, что могу всё. У моего тела, как и разума, нет границ.

А ещё мне нравилось разглядывать людей по утрам. Сон-

ных, уставших, раздражённых, несчастных. В такое время их много. Исключение составляли те, кто, как и я, занимали велосипедную дорожку. Они сосредоточены. Их мозг работает быстрее, кровь в венах кипит, а взгляд полон решимости во что бы то ни стало покорить этот день.

Навстречу бежал красивый парень в дорогой спортивной одежде и новомодных часах. Темп средний, взгляд... как у любого шахматиста. Будто в уме он обыгрывал в партию гроссмейстера.

Усмехнулась и отвернулась, когда глаза цвета стали заметили мою вольность. Бегун не улыбнулся в ответ. Он просто пробежал мимо, оставив в груди странное ощущение. С дыхания сбилась? Скорее всего.

Сделав два круга, я не остановилась. Таким же лёгким бегом, но уже с более явными усилиями направились в супермаркет, где у полок наткнулась на него, выбирающего люксовую воду.

Возникло ощущение неловкости и стеснения. Схватив самую дешёвую бутылку, я направились к кассе, надеясь больше никогда с ним не столкнуться. Надежда, говорят, девушка безответственная. То до последнего держится, когда не надо, то умирает так же не вовремя.

Я ощутила его присутствие спиной. Не обернулась, но отчего-то знала, что там стоит именно он.

Писк кассового аппарата, и равнодушный голос кассира: — С вас десять рублей.

Достала купюру из кармана и положила на монетницу, сделав вид, что не слышала тихого смеха позади. И что смешного? Не все могут позволить себе роскошные вещи и раскрученный бренд воды для спортсменов. И я категорически не понимала, зачем переплачивать за неё. Она везде одинаковая, что из-под крана, что с вершин гор. В первой просто немного хлора и фтора, но в целом-то то же самое. Так за что переплачивать?

Я схватила покупку и отошла чуть в сторону. Во рту было сухо, поэтому я, как обычно, не церемонясь, отвинтила крышку и принялась жадно поглощать жидкость, пока буквально не ощутила, как меня пожирают взглядом.

Стало... неловко. Будто в супермаркете я стояла абсолютно голая и позволяла пялиться на себя. Опустила бутылку и бросила на бегуна раздражённый взгляд, мол, чего ты уставился?

Но в ответ — ноль эмоций. Он, как и я, отошёл от кассы, остановившись примерно в метре. Открыл бутылку брендовой воды и, не отрывая взгляда от моей оторопевшей тушки, принялся так же жадно поглощать жидкость. И мне это показалось таким откровенным, что я не выдержала. В лицо бросилась вся кровь, и я отвернулась, потому что мужчина намеренно вёл себя так. У него был такой пошлый взгляд, что я бы никогда не рискнула вновь обратить на него своё внимание.

Тогда я ещё не знала, что каждое утро мы будем встре-

чаться с ним глазами...

После пробежки — душ, и я наконец позволила себе двадцать минут спокойного завтрака из тоста с сыром и джемом и кофе.

Макияж, сборы сумочки и ранний звонок Анжеле с предупреждением, что босс простыл и не появится в офисе ближайшие пару дней. Уверена, в этот момент в её голове радостно стучала тарелками маленькая обезьянка.

Погода на улице испортилась, поэтому я не задумываясь надела чёрный тонкий плащ и ботильоны. Как всегда, классический стиль дополнил дорогой зонтик — очередная покупка шефа, которую я не смела продавать. Та единственная вещь, что всегда должна быть на виду в дождливую погоду.

Когда вошла в квартиру Поклонского, не ожидала, что меня встретят густой аромат палёного молока и перфекционист в фартуке поверх спортивных штанов и майки. Зрелище, конечно... Возьми себя в руки, Вавилова!

— Что вы делаете?

Шеф устало посмотрел на меня, поставил ковш на плиту, а потом сложил руки на груди, демонстрируя рельеф бицепсов, трицепсов и прочих мышц, о которых до этого времени я и не задумывалась.

— Ты привезла документы?

Я улыбнулась, расстегнула плащ и вышла из кухни, чтобы повесить его в прихожей.

— Знаете, Сергей Андреевич, я внезапно подумала, что вам нужно купить увлажнитель воздуха. — И уже тише, так, чтобы он не услышал, добавила: — Здесь настолько сухо, что я не удивлена вашей чёрствости.

— Юлишь? — спросил он, когда я вошла. — Мне нужно тебя оштрафовать, чтобы ты полноценно выполняла свою работу?

— Можете попробовать, — улыбнулась я. — Это не отменит того факта, что вы после болезни всё равно выпишете мне премию за уход. Мы оба знаем, что я действую вам во благо. И это, между прочим, вы виноваты, что пришлось вас изолировать от работы. Относитесь вы немного трепетнее к своему эмоциональному состоянию, мы бы сейчас ехали в офис решать все важные дела, а не стояли бы на кухне с ароматами подгоревшего молока, сбегавшего на плиту под вашим рассеянным руководством.

Шеф коротко выдохнул, глядя в мои глаза, посмотрел на коврик, а затем стал раздражённо снимать с себя фартук, который, к слову, невероятно ему шёл.

— Сделай горячее молоко с мёдом, будь добра. Пойду позвоню в офис, раздам инструкции.

— В последнем нет необходимости, Сергей Андреевич. Я всё сделала, пока ехала к вам.

Он пристально посмотрел на меня, чуть прищурился и за-

дал странный вопрос:

— Ты разговаривала по телефону за рулём?

— Да.

В кухне неожиданно стало темно. Не то чтобы прямо темно, но вокруг будто собрались силы зла, готовые разнести всё вокруг. Не самая приятная атмосфера, в общем.

— У меня же гарнитура, Сергей Андреевич... — Я сглотнула, глядя в стальные глаза. — Работа обязывает принимать звонки везде и всюду, а у меня не всегда свободны руки.

Поклонский продолжал пристально смотреть, но всё же выдохнул и пошёл в спальню.

Честно говоря, меня сейчас неплохо так тряхнуло. Думала, закатит очередной разговор о правилах безопасности на дороге, но, слава богу, миновало.

Быстренько вскипятила молоко, добавила мёд и принесла шефу. Тот, к слову, уже что-то печатал на ноутбуке. Не особо обращая на него внимания, принесла градусник и попросила померить температуру.

— Ты же сообщила Анисимову новое место встречи?

Я остановилась и посмотрела на него, понимая, что вот прямо сейчас испорчу ему настроение.

— Я взяла на себя смелость её отменить.

Шеф вскинул бровь и оторвал взгляд от экрана ноутбука, прекратив печатать. Не сказала бы, что увидела на его лице удивление.

— По какому поводу?

— Вы болеете, Сергей Андреевич. Если заболевание вирусное, то не стоит подвергать опасности заражения других.

— Ты не подхватила, хотя постоянно со мной, — констатировал он.

— У меня сильный иммунитет.

Угу. Закалённый.

Поклонский промолчал, а я направилась в ванную, чтобы собрать вещи в химчистку. Через час должна приехать клининговая служба, а босс не очень любит, когда его вещи трогают посторонние люди. Я не совсем понимала логику, ведь в химчистке материал тоже не пинцетом перекалывают, однако безукоризненно выполняла все требования. Вот только в этот раз, когда доставала из корзины вещи и проверяла карманы, не ожидала, что из пиджака выпадет чёрная бархатная коробочка.

Сердце болезненно сжалось, а я поспешила поднять упаковку и засунуть обратно. И вовремя, потому что в ванную вошёл Поклонский.

— Марина, езжай в офис. Курьер только что доставил пакет документов. Отвезёшь Василевскому, пусть разберёт.

— По пути я завезу ваши вещи в химчистку, — сипло выдавила я, но тут же попыталась прокашляться.

Шеф посмотрел на пиджак, затем на меня и прищурился.

— Оставь. Пусть займётся клининговая служба.

Кивнула, положила всё назад и, стараясь не смотреть в его глаза, попыталась пройти мимо. Вот только мне заступили

путь и сильные пальцы вцепились в подбородок, чтобы задрать мою голову и посмотреть в глаза.

— Что это?

Моё несчастное сердце чуть не разорвалось в груди от шока.

— Ч-что и-именно?

Поклонский привычно поморщился и пальцами второй руки провёл по моей щеке, демонстративно стирая влагу.

— Почему слёзы? Что случилось?

На миг прикрыла веки, пытаюсь совладать с собой и проглотить образовавшийся в горле ком. Не могу же я сказать, что мне неожиданно стало больно от увиденной коробочки из ювелирного магазина? Уж лучше признаюсь в том, что лесбиянка, ей-богу!

— Я не плачу, Сергей Андреевич. Просто хотела чихнуть, вот и...

— До слёз? — стального цвета глаза внимательно смотрели в мои, ища ответ на вопрос.

— До слёз, — кивнула я, высвободив подбородок из захвата его пальцев.

Сердце всё ещё колотилось, напоминая, что из квартиры Поклонского нужно ретироваться как можно скорее, но взгляд был прикован к внимательному боссу, и мозг совершенно не желал прекращать тормозить. Действительно тормозить, поскольку способность анализировать явно запаздывала.

— Где нужно встретиться с Василевским? — сообразила я наконец, как перевести тему со скользкой дорожки. — И сколько у меня времени?

Вопросы прозвучали нагло даже для меня.

Коротко выдохнула, поправила блузку и под тяжёлым взглядом юркнула из ванной, точно зная, что шеф не ответит. Сама всё выяснить должна, в конце концов, он за это мне деньги платит.

Надевая плащ у двери, я заметила, что у пальцы дрожат. Поклонский, слава богу, не вышел провожать. Уверена, заметь он расстройство, довёл бы до истерики и запретил куда-либо ехать. А сидеть весь день у него под боком — последнее, чего мне хотелось в этой жизни.

На пути в офис позвонила Василевскому, чтобы уточнить адрес. Мужчина по разговору показался встревоженным, но значения этому я придавать не стала, мало ли какие потрясения могли у него случиться. Не всё же мне по жизни перепадает.

Приёмная Поклонского встретила тишиной. В смысле, совсем. То есть Анжелы не было, отчего у меня мгновенно начало пригорать в одном месте, ибо я терпеть не могла, когда такое происходило. Пропустит секретарь важный звонок — угадайте, кому в итоге достанется по шее? Когда начальство интересовали тонкости организации их рабочего расписания?

Внимательно осмотрев её стол на наличие пакета доку-

ментов, о котором говорил Поклонский, я наткнулась на заметку на стикере со странным содержанием.

«Шеф. Назначить встречу на 15:00».

И судя по наклеенному поверх прочих стику, запись совсем свежая.

Я позалипала несколько секунд, представляя, как занимаюсь своими делами, пока шеф свободно передвигается по городу, занимаясь своими, и выдохнула. Не-е-ет... Он же не станет, в самом деле, страдать подобной ерундой и скрывать от меня рабочие встречи во время болезни? Это уже детский сад какой-то! Ей-богу, иногда он бывает невыносим! И ведь спокойно же отреагировал на моё заявление сегодня утром, что я отменила эту встречу. Теперь понятно почему. Босс просто решил не бодаться со мной, а сделать по-своему. Милота, да и только.

Придушила бы!

Анжелу я встретила, уже когда покидала офис. Девушка весело щебетала со своим серпентарием и на моё появление отреагировала надменно вскинутой бровью. Отчитывать её мне было некогда, но я не упустила возможности поставить её на место.

— Доброе утро! Анжела, вам не доплачивают за пустые беседы в коридоре. Будьте добры вернуться на своё рабочее место.

И не говоря ничего более, я вскинула подбородок и покинула офис.

Да-да, знаю, что в спину мне летели не только проклятия и яд, но и сплетни, которые, к слову, перемололи мою личную жизнь вдоль и поперёк. Кому, как не им, знать, сколько раз в день «директорская подстилка» позволяет вытирать об себя ноги.

И так уже лет пять, ага.

Невдомёк ребятам, что в любовницах так долго не ходят.

Не то чтобы мне было всё равно. Такое отношение никогда хорошо не сказывается на эмоциональном состоянии и здоровье. Но я привыкла. Под руководством такого человека, как Поклонский, нельзя не привыкнуть. Вот он — истинный источник моих страданий. В какую из сфер жизни не сунься, везде проблемы, которые корнями уходят в него. Он их создатель, он же и мой спаситель. Порочный круг, который совсем скоро прервётся, если кто-то не найдёт способ меня удержать. А зная, какие методы он может использовать, вполне вероятно, что в итоге меня оставят у ног хозяина, который будет дёргать за поводок и угощать сахарной косточкой, пока послушная дворняжка не надоест или не издохнет на очередном цирковом трюке.

Сев за руль, я бросила документы на пассажирское сиденье, достала смартфон и долго смотрела на список контактов. По-хорошему, мне стоило поговорить с сёстрами и извиниться за то, что вчера я так и не объявилась. Узнать, как прошёл их вечер и... пожаловаться на работу, которая никак не отпускала. Но я знала, что стоит только заикнуться, как

начнутся нападки.

Номер набрала, но не тот. Отменила обеденный столик в ресторане и заказала доставку еды курьером на дом к Поклонскому. Вряд ли он станет сам себе готовить, об этом всё ещё нужно заботиться мне, послушной дворняжке.

— К чёрту всё, — хмыкнула я, убирая подальше гаджет. — У меня всё прекрасно. Шеф-красавчик, работа с охраненным окладом и личная жизнь, которой может позавидовать... никто.

Выдохнула и завела машину, глядя в зеркало заднего вида.

— Можно подумать, отсутствие мужика в постели — это прямо трагедия, Вавилова, — усмехнулась сама себе. — Получишь трудовую на руки и исправишь ситуацию, делов-то.

Василевский ждал меня у кафе. К слову, мужик он мутный и никогда мне особо не нравился. Один из замов босса, к которому он и сам не питал особой любви. Поговаривали, что держат его только из-за выгодных связей с поставщиками конкурентов одной из «дочек» холдинга. Честно говоря, область работы не моя, поэтому я особо не вникала в дела. Все договоры составлялись под контролем секретаря самого Василевского, я же обычно выступала связующим звеном между ним и шефом. А какие там привилегии были у зама, я не разбиралась. Мне изначально дали понять, что мой нос туда лезть не должен, я и держалась подальше, как, собственно, и ещё от нескольких директоров.

О том, что там действуют левые схемы, догадывалась. Именно поэтому старалась быть послушной девочкой и не замечать определённых слов, странных договоров и тайных встреч за городом, которые могли стать скандальными для компании. Я с первого дня знакомства с Поклонским знала, что «хороший» — это не про него.

— Здравствуйте, Алексей Валерьевич, — приветливо улыбнулась мужчине, перехватив пакет другой рукой. — У вас что-то будет для шефа?

— Здравствуй, Марина. — Василевский посмотрел по сторонам, будто проверял, нет ли за мной слежки. — Нет, я с пустыми руками, — одну из них он сразу и протянул. — Поклонскому передай, что встреча сорвалась. Решим это дело на неделе.

— Хорошо, — улыбнулась снова, протянув документы. Мужчина кивнул и, зажав пакет под мышкой, не спеша направился к своей машине. Проследив за ним задумчивым взглядом, я вернулась к своей. Теперь я свободна до конца дня, но... Кажется, не стоит мне так отдыхать. Проконтролировать босса, чтобы дома оставался? Предлог-то всегда найдётся.

Вдохнула и снова завела машину, попутно набирая Анжелу, чтобы напомнить про доставку костюма в офис. Отвезу шефу домой, как только решу свои дела.

Следующим пунктом назначения было заведение, в котором меня знали уже давно. Ростовщик Владимир Каримович

называл меня дочкой в связи с преклонным возрастом, правда, я бы никогда не назвала папой такого страшного человека. Слишком хорошо знала, что бывает, когда кто-то пропускает платёж по долговым обязательствам.

— Здравствуй, моя хорошая, — улыбнулся он, демонстрируя несколько золотых коронок. — Сегодня больше?

— Да, — улыбнулась в ответ. — Последние выплаты. Хочется поскорее погасить.

— Понимаю, — усмехнулся он. — Кстати, на днях твой папа заходил.

Я мгновенно напряглась, почувствовав, как сердце забарабанило о рёбра.

— Вы же не...

— Что ты, дочка. Ты ж приплачиваешь, чтобы мы отказывали. Отправили мы его с ребятами.

Один из амбалов на входе усмехнулся. Да так, что я мгновенно представила на лице отца кровоподтёки и синяки.

— Для него наши двери закрыты.

— Владимир Каримович, вы помягче с ним. У него сердце.

Отец часто приходил. Напивался и всё пытал счастье взять ещё немного в долг. Поначалу я с ума сходила, стараясь бороться с ветряными мельницами. Угрожала расправой, как по закону, так и физической. Деньги-то были, пусть и небольшие, но нанять такого дядьку, который сможет вытрясти особые условия для меня, я могла.

Правда, решилось всё несколько иначе, благодаря одному знакомому охраннику с работы. Славный мужчина, пообещался и уговорил ростовщиков не давать больше в долг отцу, если я буду оплачивать их чёрный список. Деваться было некуда, и я согласилась. Отсюда и привилась эта реселлерская привычка. В условиях вечной нехватки денег можно и почку продать, о чём я, кстати, не единожды задумывалась. Правда, страх, что Поклонский меня всю за это на органы распродаст, а голову поставит в офисе на полочку, несколько отвлекал от таких мыслей.

Мужчина усмехнулся и покачал головой, расписываясь на квитанции.

— Не знает старый своего счастья. Я б за такую дочь горы сворачивал, а он всё деньги твои проигрывает. — Поднял голову и посмотрел на меня. — Хорошая ты, Марина. Вышла бы замуж за моего Айрата, всё бы для тебя сделал.

Вспомнив высокого громоподобного мужчину с чёрным как ночь взглядом и кулаками с мою голову, я сглотнула. Общаться мне с ним не доводилось, но видела пару раз. Рядом с таким даже стоять страшно, а он — замуж. Ну да...

— Не подойду я вашему сыну, Владимир Каримович. Ему хорошая, спокойная девушка нужна, а я...

— А ты? — прищурился мужчина с усмешкой.

— Бешеная я, — приласкала себя. — Командовать люблю, а Айрат не потерпит.

— Тоже верно, — улыбнулся он. — Сын у меня не так

воспитан.

Забрав квиток, я вышла из подвальчика и уже собиралась сесть в машину, как раздалась ненавидимая мною мелодия мобильного.

Босс.

— Почему я не могу до тебя дозвониться?

Я обернулась и со вздохом посмотрела на железную дверь подвала, в котором только что была.

— Простите, тут плохо ловит. Что-то нужно?

— Что с документами Василевскому? Передала?

Я вскинула бровь и посмотрела на часы.

— Ещё час назад, Сергей Андреевич. Кстати, он передал, что встреча сорвалась и вопрос решится на неделе.

— Ясно. Где ты?

— На Введенского.

Моё недоумение всё росло, пока босс задавал вопросы один за другим. Такого никогда не случалось. Обычно он просто ставил задачи, и его не волновало, за сколько я должна успеть сделать что-то и откуда мне придётся ехать.

— Хорошо. На сегодня ты свободна, Марина. Завтра к девяти утра чтобы была здесь.

И не дожидаясь ответа, бросил трубку.

Постучав пальцем по задней крышке смартфона и поразмыслив над происходящим, я совершенно уверилась, что мне крайне необходимо проконтролировать босса. Он нагло шифруется. Причём сам должен понимать, насколько подо-

зрительно это выглядит со стороны. И как я должна реагировать на такое, понимая это?

Сев в машину, я набрала номер риэлтора и отменила встречу, после чего завела мотор и направилась в офис за костюмом, планируя по пути заехать в аптеку и купить рекомендованные доктором препараты.

Анжела ждала на своём рабочем месте. Стоило войти, как во мне едва дыру не просверлили. Я почти чувствовала запах змеиного яда, стекающего по подбородку девушки.

Такими темпами мы скоро придём к петушиным боям. Её там, в серпентарии, настраивают против меня, что ли?

Молча забрав упакованную в плёнку одежду, я вышла из приёмной. Дико хотелось спуститься на этаж ниже, войти в маленький уютный кабинет, скинуть туфли и растечься на стуле. Но времени не особо много. Если у Поклонского через пару часов встреча, то лучше мне на ней присутствовать, чтобы сурово сверлить взглядом его спину и мечтать о том, как я протяну руки и со всей силы сожму крепкую шею.

Довольно быстро добравшись до квартиры шефа после покупки лекарств, я открыла дверь своим ключом и тихо вошла. Повесила костюм на вешалку в коридоре, нагнулась, чтобы разуться, как перед моими глазами возникли ноги босса. В брюках и ботинках.

— Кажется, я сказал, что ты свободна сегодня, — процедил он сквозь зубы.

Сердце мгновенно ухнуло в пятки. Я разогнулась и по-

смотрела в пылающие холодной яростью глаза босса.

— Так вы же не стали слушать ответ, — просипела я, всё же стягивая обувь. — А я должна была привезти костюм и лекарства, которые прописал Миронов. А вы куда-то собираетесь? — спросила невинно, внимательным взглядом отметив, как дёргается недовольно уголок мужских губ. — Бросьте это, Сергей Андреевич. Считайте, что у вас полноценный карантин. К тому же ваш доктор обещал прислать массажиста. Я не уверена, что он не явится в ближайшее время.

— Марина, — снова процедил Поклонский, — Мне нужно на встречу.

— Верно, — кивнула я. — На встречу с мягкой постелью, горячим вкусным ужином и двумя таблетками.

Стянула плащ и спокойно обогнула шефа, чтобы пройти на кухню к аптечке, где хранился градусник. Оный же и протянула нахмурившемуся Поклонскому вернувшись в коридор.

— Марина, вы переходите границы, — на предлагаемый термометр он даже не взглянул. — Я сказал, что вам нечего здесь делать.

Я тихо выдохнула, предчувствуя разговор, который в очередной раз вынесет мне мозг, настроение и чувство собственного достоинства. Но знаете, пусть лучше так, чем он перенесёт болезнь на ногах, а потом ещё одну неделю будет валяться с осложнениями.

— Вы знаете, что я ненавижу...

— Вы вчера сказали, что на следующей неделе планируете командировку, — невозмутимо перебила его. — Мне отменить?

— Зачем? — не понял босс.

— Затем, Сергей Андреевич, что, в случае осложнений вам придётся остаться дома и пройти более серьёзный курс лечения, чем предлагается сейчас. Поскольку вы не собираетесь соблюдать предписанный доктором режим, я смею прогнозировать тяжёлое течение заболевания. Так мне отменить поездку?

Поклонский несколько долгих секунд сверлил меня острым взглядом, но всё же сдался.

— Позвоните Анжеле, пусть отменит встречу.

Я говорила, что являюсь режимным кошмаром всех трудоголиков? А вот и доказательства.

— Температуру померьте, — снова протянула градусник, очень надеясь, что издевательские нотки в моём голосе шеф не расслышит.

Сталь в его глазах потемнела, но я стоически выдержала всю суровость, что на меня ментально пытались обрушить, вручила хрупкий прибор и снова отправилась на кухню, на этот раз приготовить лекарства и налить себе кофе, поскольку пообедать мне так и не удалось, а противный голод уже сводил желудок. Доставка только через час, поэтому будем «потерпеть».

Пока готовилась расслабиться с чашкой в руках, позвони-

ла Анжеле и распорядилась отменить встречу Поклонского. Девушка выслушала, спросила, нужно ли что-то ещё, а услышав отрицательный ответ, не прощаясь бросила трубку.

Я вздохнула, отложив смартфон в сторону. Похоже, стоит поискать нового секретаря. Анжела, конечно, хорошо справляется со своими обязанностями, но после моего ухода она либо оборзет, либо... оборзет.

— Как дела в офисе? — донеслось до меня из спальни.

Вздохнула, проклиная трудоголизм как явление.

— Прекрасно, Сергей Андреевич. Стоит. Не рухнул.

И тут же пожалела о сказанном. Да что со мной сегодня? Вся на нервах, даже за словами не слежу. Поклонский наверняка сейчас вывернется, как бык на красную тряпку.

— Марина, вы издеваетесь? — спросил он уже более грозно и явно от двери.

Обернулась через плечо и постаралась удержать себя от колкого ответа, который мозг сгенерировал за долю секунды.

— Ни в коем случае, Сергей Андреевич. В офисе действительно всё в порядке. Работает как часики. Все вопросы будут решаться по мере поступления в случае необходимости. Анжела держит со мной связь.

И только я сказала это и поднесла к губам чашку с кофе, как раздалась мелодия, призывающая ответить. Номер на дисплее гласил, что в ближайшие пару минут мне испортят настроение, и я с явным сомнением пялилась на зелёный кружок, размышляя, в какую сторону его сдвинуть.

Как же я ненавижу свою работу.

С сожалением поставила кружку на стол и приняла всё же вызов.

— Слушаю вас, Виталий Константинович, — ответила с улыбкой в голосе.

— Привет, Мариша. Мне только что звонила секретарша Сергея, отменила встречу. Что у вас случилось?

— Верно, отменила. Сергей Андреевич неважно себя чувствует. Врач рекомендовал воздержаться от работы.

— Да? А ты-то свободна? Может...

— Простите, Виталий Константинович, но моё расписание не изменилось, я по-прежнему занята.

— Вечером?

— И вечером. Если у вас больше нет ко мне вопросов, то всего доброго. Мне нужно идти.

— Жаль, Мариша. Надеюсь, когда-нибудь ты согласишься со мной поужинать.

— До свидания.

От лживой улыбки болели скулы. Я потянулась за чашкой, чтобы уже наконец отвлечься от работы и забыться на мгновение, как из-за моей спины вышел босс. Сел на соседний стул и, глядя на меня, выгнул густую ухоженную бровь.

— И что ему было нужно?

Ну и как тут расслабиться? Даже кофе попить спокойно нет никакого шанса.

Я протянула руку, требуя градусник назад, и объяснила,

чего хотел Анисимов, опустив предложение о свидании, которое поступало мне уже бог знает какой раз.

Поклонский, услышав ответ, задумчиво потёр висок указательным пальцем — один из жестов, сигнализирующих о плохом настроении.

Взглянула на градусник и обнаружила температуру в тридцать восемь градусов. Жаль. Я думала, что это однодневное явление, но, похоже, не суждено. И он ещё собирался куда-то? Молодец, ничего не скажешь!

— Выпейте лекарство, — кивнула я на стакан и приготовленные таблетки. — А затем идите в постель. Нельзя заболевания на ногах переносить. Скажется ещё, не дай бог.

— Переживаешь? — невесело усмехнулся он.

— Вы мне вчера сообщение прислали, что в состоянии позаботиться о себе, и что сегодня? Собрались куда-то, ещё и с температурой.

Тоскливо взглянула на нетронутый кофе и поднялась из-за стола.

— Ты уже думала, что будешь делать, когда закончится контракт? — задал шеф неожиданный вопрос.

Сердце сразу бросилось в горло и застучало там, как сумасшедший шаман в бубен на ритуальных плясках.

— Это странный вопрос, Сергей Андреевич, учитывая, что за всё время работы у меня не было собственного отпуска.

Взгляд Поклонского был нечитаемым, однако на интуи-

тивном уровне что-то подсказывало, что ответ ему не понравился.

— То есть отдых со мной в других странах ты отпуском не считаешь? — на этот раз он предупреждающе растянул слова, не понимая, что подсознательно угрожает.

Перед глазами тут же замелькали воспоминания о том, как я эти отпуска проводила. Например, с морской болезнью на яхте в Испании, когда он постоянно заставлял меня что-то делать. До сих пор помнила эти жуткие головокружения и проклятый текст договора на поставку комплектов оборудования для нового цеха в Воскресенске. С задачей, конечно, справилась, а болезнь отступила, но впечатления-то остались.

Или, например, в «отпуске» на Аляске я была похожа на амёбу, потому что проходила долгую адаптацию из-за разницы во времени. Как итог, мы практически не вылезали из арендованного поместья, а шеф не отлипал от ноутбука, пока я спала. А надо признать, спала я много, потому что нещадно болела голова и некритично поднималась температура.

В Индии у меня вообще аллергия высыпала. Местный врач сказал, что проблема в загрязнённом воздухе. К слову, отдых мы свернули уже на третий день нашего пребывания.

А ещё были Сейшелы. О да! Поистине райское место, откуда не хотелось выезжать. Проблема заключалась в том, что накануне готовилась крупная сделка. И пока кто-то отдыхал на лежаке под зонтиком у собственного бассейна с холод-

ным коктейлем и свежей газеткой в руках, я проводила онлайн-конференции с сотрудниками компании, стараясь организовать всё так, будто круглосуточно жила в офисе. Бесмертный пони и шеф-перфекционист... Ну, вы поняли.

Ещё интереснее была разве что поездка в Гренландию на Рождество. Первая христианская церковь, столица поселений викингов, бирюзовое озеро... И нет, я даже вспоминать не хочу, насколько холодно и жутко мне там было.

Таких поездок я могла припомнить с десятков, но эти были самые яркие.

— То был ваш отпуск, босс, — ответила ровно. — И вы решали, куда ехать.

Он нехорошо прищурился, сверля меня стальным взглядом. Господи, его настроение меня убивало.

— И куда бы ты сама хотела поехать?

И тут я зависла. Хорошо так зависла. Не то чтобы я не знала, где хочу отдохнуть. Это однозначно тропики. Но с каких пор Поклонский вдруг заинтересовался моими желаниями? Влияние температуры? Не замечала за ним подобного.

— Я ещё не думала, — соврала, отведя взгляд. — Выпейте лекарство, Сергей Андреевич, и идите в постель. Мне нужно сделать ещё несколько звонков, да и ужин скоро должны доставить.

Босс ничего не ответил. В полном игноре выпил таблетки и ушёл в спальню. Я же занялась всеми вышеозначенными вопросами, в том числе набралась духу позвонить старшей

сестре, чтобы получить очередную промывку мозгов и выслушать жалобы о том, как плохо ей живётся с мужем.

Знала бы, как мне хотелось поменяться местами, слов нет! Договорились с ней встретиться на выходных. Если всё пойдёт хорошо, то вечер субботы у меня будет свободным, хотя с шефом всё может пойти наперекосяк, учитывая, как странно он ведёт себя в последнее время.

Глава 4

Честно говоря, я не помню, в какой момент нашла его красивым. И нет, я сейчас не о внешности. Мне кажется, что чтобы полюбить человека, нужно признать его внутреннюю красоту. Может, и не со всеми так происходит, конечно, и во всём виновата любовь, что словно дрянная девчонка со жвачкой во рту и розовой битой в руках подкрадывается сзади и бьёт наотмашь по голове. Но в моём случае я точно разглядела это.

Любовь к порядку — пунктик, на котором он повёрнут. Делит мир на чёрное и белое, бизнес на прибыльный и нет, а женщин — на сотрудниц и любовниц. Если опустить все предрассудки, то видишь удобство в таком образе жизни, а если присмотреться повнимательнее, то можно разглядеть травму, которая подтолкнула его к подобному выбору.

Нет, я не знаю причин, по которым он стал именно таким, но вижу, что и сам себя он тоже делит на плохого человека и хорошего бизнесмена. Возможно, это якорь, который позволяет ему держаться на плаву?

Ещё в школе я узнала о том, что такое беспорядок в масштабах вселенной. Мне тогда не очень понравилось высказывание учителя, утверждавшего, что это всего лишь отсутствие порядка. Но если прислушаться к мнению некоторых учёных, то можно найти обратное утверждение о том, что

порядок во вселенной рождён из хаоса, и эта теория всегда и во всём применима к людям. Другими словами, всё, что делает Поклонский — лишние телодвижения. Как бы сильно ни разрушалась его жизнь, тот хаос, что нас окружает, стремится к порядку всегда. Так что все эти потуги выстроить систему — лишь видимость, которая приносит ему надежду, но не делает лучше на самом деле.

Хотя, я не спорю, иногда перфекционизм прекрасен. В мозаичной плитке, например. Или в резных фигурках на шахматной доске. Или, как сейчас, когда сильные пальцы выводят аккуратные каллиграфические буквы на листе бумаги.

Может, та внутренняя красота, которая заставила меня смотреть на него иначе, и есть перфекционизм? Могла я влюбиться именно в эту его черту?

На мгновение представила себе Поклонского обычным, ничем не примечательным мужчиной. Красивым и улыбочивым, как Карпов. Спокойным, добрым и... обходительным. Аж сердце застучало раза в три быстрее.

Мечтай, Вавилова, как же. В твою сторону он не посмотрит, даже если ты перед ним тут стриптиз станцуешь. Объект женского пола, работающий в его компании, не то же самое, что женщина — особый пунктик, да. Он ведь мне сразу сказал, что не спит со своими сотрудниками.

Правда, есть редкие исключения, о которых он и сам не знает.

Я коротко поморщилась, подавив болезненное воспоминание. Взяла смартфон и смахнула уведомление о прибытии такси. Поклонский тут же подвинул ко мне лист, который я не глядя свернула и упаковала в белоснежный конверт, чтобы тут же бросить в сумочку.

— В этот раз на полмиллиона. — Поклонский отложил ручку в сторону, выдохнул и откинулся на спинку стула.

— Будет сделано, — кивнула болванчиком в ответ. — Ли-за уже приехала, мне пора.

Голос прозвучал привычно ровно, глаза не бегали, а губы не дрожали. Ревность и ненависть, что обожгли грудь изнутри, медленно оседали, а горечь в глотке сходила на нет.

Я поднялась из-за обеденного стола, сделала твёрдый шаг к выходу и едва не споткнулась, когда мне вдогонку прилетело:

— Приятных выходных.

Кажется, я едва зубы не раскрошила от обжигающего ощущения, что отравой заструилось по венам. Я хотела ответить. Действительно хотела. Но промолчала, прекрасно помня, что мне осталось отрабатывать долг отца каких-то семь недель.

Я уйду. Уйду и никогда больше не вернусь туда, где так нестерпимо больно.

С девушкой столкнулась, когда выходила из подъезда. Стройная блондинка при виде меня скривилась, как от зубной боли, и окинула тем взглядом, каким рассматривают со-

перниц. Не в первый раз, кстати, но ни Лизе, ни Татьяне, ни Кристине, ни какой-либо другой «субботней» любовнице Поклонского не светит что-то большее, чем крепкий кофе и крупные хрустящие купюры... поутру? Нет. Эти девушки проводят с ним ночь пятницы и всю субботу.

И как бы сильно я ни крепилась последние несколько лет... я чувствую боль. Мне нравится, что он не видит во мне женщину. Но я так же сильно ненавижу это. Послушная рабочая собачка, воспитанная искать хозяину пару три раза в неделю. Влюблённая послушная собачка. Более тупой ситуации просто не могло случиться в моей жизни.

— Марина, — остановила меня Лиза. — Знаешь, я всё спросить хотела: неужели ты думаешь, что добьёшься Сережи своей рабской преданностью?

Рабской? Ну да. Наверное, именно рабской.

Я грустно хмыкнула и решила промолчать. В конце концов, она просто ночная бабочка, которой платят хорошие деньги за качественный секс, а я просто помощница, когда-то давно заключившая сделку с дьяволом. У нас обеих особые условия труда. Пусть мы и не на равных, но я думаю, что нам нечего делить. Грея его постель, она не имеет возможности узнать о его быте. Я, имея представление о его жизни, практически не знаю, каков он в постели.

Стянув сумку с плеча, я принялась искать ключ от машины. Сил, если честно, уже ни на что не оставалось, а ведь завтра ехать к детям в приют, чтобы передать закупленные

сегодня игрушки, а руководству перевести деньги с личного счёта Поклонского на строительство новой игровой площадки. Да, каким бы дьяволом он ни был на работе, как бы цинично ни усмехался, когда к нему обращаются, как к спонсору, было в нём то, о чём другие и знать не знали.

«Репутацию приходится зарабатывать годами, а потерять можно в один миг».

Я искренне не понимала сути этого выражения, ведь он просто тиран, а не руководитель. Я видела его отношение к собственным сотрудникам. Увольнение, как нечто само собой разумеющееся, лишение премий за малейший промах... А потом это. Такие выплаты приютам он цинично называл «десятинами», о которых никогда никому не говорил. Все поступления были анонимными, поскольку занималась ими я.

Я часто задавалась вопросом: а если кто-то на работе узнает о его «слабости» к подобного рода учреждениям, они станут как-то иначе к нему относиться?

— Что, просто промолчишь? — хмыкнула Лиза, откинув светлый локон за плечо. — Ты всегда с таким презрением смотришь на меня при встрече, а сейчас что?

С презрением?

Я повернулась и заглянула в голубые глаза, чувствуя, как к горлу подкатывают тошнота и раздражение.

— Ты думаешь, я ставлю себя выше тебя?

— Я это вижу. И знаю, что ты по уши влюблена в Поклон-

ского, но строишь из себя неприступную монашку, в действительности мечтая оказаться на моём месте.

— Ах, на твоём, — протянула я, разглядывая холёное лицо, в которое отчего-то захотелось вцепиться ногтями. Даже не знаю, с чего вдруг.

Надо признать, заявление слегка выбило меня из колеи. Я пыталась понять, как она к этому пришла, если видимся мы от силы два раза в месяц.

— Ты ведь точно такая же шлюха, только продаёшь своё тело несколько в ином ракурсе.

— Чтобы ты понимала, наши трудовые отношения вообще никаких ракурсов не подразумевают, Лиза. — Я коротко взглянула на часы. — И ты опаздываешь уже на несколько минут.

Она неожиданно встала в позу, скрестив руки на груди и требовательно уставившись на меня, видимо, ожидая ответа. А что я могла сказать?

— Он подождёт. В конце концов, на протяжении двух лет я приезжала минута в минуту. Не умрёт.

Я бросила взгляд на окна и едва не проглотила собственное сердце, которое прыгнуло в горло. Поклонский стоял у окна и смотрел на нас. Конечно, я видела только силуэт, но будучи в его квартире сотни раз, я знала наверняка, что свет фонарей достаточно яркий, чтобы различить двух девушек у знакомой машины.

Шеф поднёс руку к лицу, и в эту же секунду мой смартфон

ожил осточертевшей уже мелодией.

— Ты молодец, Лиза, ничего не скажешь, — произнесла я с досадой. — Да, Сергей Андреевич.

— Пусть едет домой.

— Поняла вас. — Я положила трубку и посмотрела в голубые глаза. — Как видишь, не дождался. Возвращайся домой, Лиза.

— Что? — сморгнув, растерянно переспросила она. — В каком смысле домой?

Судя по задрожавшим губам, у кого-то намечается истерика. Она метнула взгляд на окна и принялась лихорадочно искать силуэт, который, к слову, уже исчез.

— Лиза, давай без истерик. — Я схватила девушку за руку, но та резко отдернула её, отчего я едва не шлёпнулась на колени.

Только сцен под окнами Поклонского мне не хватало. Проклятье.

— Это всё ты виновата!

Ну, конечно. Больше же некому. Я для того и нужна, чтобы быть во всём виноватой .

— Послушай, тебе нужно успокоится, — мягко начала я, чтобы не привлекать внимания жильцов дома.

— Хватит указывать, что мне делать! — взвизгнула она.

Пожалуй, именно в этот миг я поняла, что дела очень плохи. Глаза девушки лихорадочно блестели, руки тряслись, но больше всего меня пугало то, каким взглядом она смотрела

на меня. Желание выдрать мне волосы читалось настолько отчётливо, что я даже на секунду опешила.

— С самого начала только и делаешь, что командуешь... Знаешь, что? — на пухлых губах растянулась злая улыбка. — Иди ты в задницу, Марина!

И сказала так, что я сразу поняла, сколько она мечтала это сделать.

Лиза развернулась и направилась к подъезду, пока я просчитывала в голове варианты дальнейших событий. По всему выходило, что влетит опять мне, возможно, даже ударит по премии, которая мне нужна как воздух, учитывая, что мне осталось всего ничего. Хуже только увольнение!

Я настигла бабочку Поклонского в несколько шагов и ухватила за руку, не позволяя ей двигаться дальше.

— Ты только хуже сделаешь, — предупредила я. — Он не потерпит своеволия, Лиза. Вышвырнет, и знать забудет. Езжай домой, как сказал, тогда всё обойдётся.

— Пошла вон, дрянь!

На этот раз взгляд девушки был злым, а через мгновение я ощутила обжигающую пощёчину, от которой мир перед глазами кувыркнулся. Глядя на Лизу, я ошарашенно схватилась за щёку. Как же больно, мать вашу!

— Если Поклонский позволяет тебе подтирать ему задницу, то это его проблемы, — девушка угрожающе выставила передо мной указательный палец. — Не смей лезть ко мне, иначе лохмы повыдираю!

Угроза вполне могла стать реальностью, учитывая, что пускать её к шефу я не собиралась. Но блин! Вот лучше мы друг друга от души потреплем, чем он премии меня лишит за неумение без лишнего шума разобраться с его шлюхой!

— Я вызываю охрану.

Только сказала это, уже выхватывая из кармана телефон, как эта бестолочь с рёвом одичавшей кошки бросилась на меня. Толкнула в плечо и вцепилась, убивая идеально уложенные в пучок волосы. Честно признаюсь, не ожидала, что эта хрупкая на вид «девочка» окажется такой сильной. Чтобы отцепить её от себя, мне потребовалось минут пять. Ответные дёрганья, рычания и оскорбления вывели меня окончательно, а когда я всё же умудрилась заехать ей под рёбра и повалить на землю, меня словно котёнка вздёрнули за шиворот пиджака, развернули и окатили отрезвляющим ледяным тоном:

— Какого чёрта, Марина?! Я сказал отправить её домой, а не устраивать здесь бабские скандалы!

С губ едва не сорвалось «я не виновата», но меня опередила Лиза.

— Серёжа, она меня избила! — Девушка самым натуральным образом разревелась, когда Поклонский посмотрел на неё, а затем перевёл на меня гневный взгляд, будто это действительно я решила её поколотить.

— Я...

— Лучше молчи, — выдохнул он, отпуская мой пиджак.

— Бегом в квартиру. Разберусь сам.

Он повернулся к девушке и протянул руку, чтобы помочь подняться. Я же почувствовала себя в этот момент несуразным ничтожеством, срывающимся на других.

— Ты в порядке?

Вопрос прозвучал не для меня, но я всё равно обернулась, чтобы лучше видеть его лицо в этот момент.

— Когда я говорю «ехать домой», я хочу, чтобы ты ехала домой, понятно? — Шеф повернулся и посмотрел на меня. Ничего, кроме гнева, в его стальном взгляде не читалось. — Я. Сказал. В квартиру!

Я закусила саднящую губу, тут же ощутив металлический привкус, кивнула и, резко развернувшись, направилась в подъезд.

Чего я ожидала? Это же вечно жёсткий, как пласт стали, Поклонский, а я всего лишь та, кто не выполнил его требование. Сейчас будет отчитывать за всё и сразу. Вероятно, ещё и злость сорвёт за свою потрёпанную бабочку.

Стоя на площадке, я не решалась войти. В носу щипало от подступающих слёз, и я чисто в силу привычки не могла толкнуть входную дверь, хотя и понимала, что босс будет подниматься практически следом. Но, как это всегда и происходит, я сделала несколько глубоких вдохов и вошла, чувствуя, что подступающая к глазам влага сходит на нет.

Дальше прихожей пройти не решилась, наивно полагая, что сразу после выговора уйду прочь. Зачем разуваться и де-

лать лишние телодвижения?

Когда дверь открылась, моё несчастное сердце с таким грохотом стало долбиться о рёбра, что разогнанная кровь просто кипятком заструилась по венам. Поклонский закрыл за собой дверь, посмотрел на меня исподлобья, бросил ключи на тумбу и разулся. Молча. Не понимая, как на меня давит такое его внимание, режущее, словно скальпелем по нервам.

Сделал два шага и встал настолько близко, что я ощутила его дыхание на своём лице.

— Ты просто не представляешь себе, как сильно я хочу сейчас придушить тебя, Вавилова. Куда подевались твои мозги?

Я хотела ответить, но почувствовала, как сжимается спазмом горло. Посмотрела в стальные, полные гнева, глаза и замерла, когда уголок губ коснулся его палец. Чуть поморщилась от неприятной рези.

— Больно? — спросил он. Спросил настолько тихо, что я внезапно поняла, что гнева там не было и в помине.

Замерла, ошеломлённо глядя в его глаза, и не смогла выдать ни единого звука, потому что не понимала, откуда в последнем слове столько... беспокойства? Определённо не злости.

— Ссадина небольшая, но обработать нужно. Кровит.

Он взял меня за руку и потянул на кухню, не обращая внимания даже на стук каблуков, что ясно давали понять — Вавилова нарушает одно из правил этого дома.

Я не сопротивлялась. Впрочем, не смогла бы, даже если бы захотела. Кажется, шеф только что разорвал годами выстраиваемый шаблон.

Поклонский усадил ошеломлённую меня на стул, достал аптечку и, судя по тому, как тщательно он перебирал различные пузырьки, начал искать антисептик. Достал зелёнку, внимательно посмотрел на меня и, видимо, решив, что его будет воротить от вида зелёного пятна на моих губах, поставил её обратно.

— Там есть хлоргексидин, — неуверенно протянула я.

Неуверенно, потому что не ждала, что он найдёт среди этого разнообразия препаратов нужный. Но оказалось, что он вполне на это способен. Выудив антисептик, шеф нанёс его на ватный диск и приблизился ко мне.

Первым моим порывом было немедленно отшатнуться и телепортироваться как можно дальше из этой кухни, квартиры, города, страны, а лучше вообще из вселенной. Простите, но разве люди выживают с таким пульсом, когда сердце стучит где-то в извилинах опухшего от событий мозга? А с полчищем крылатых тварей в животе?

— Не дёргайся, — тихо попросил Поклонский, когда я судорожно сглотнула.

Он осторожно стал промакивать ссадину ватным диском, а когда я поморщилась от неприятной рези, даже дунул, не обращая внимания на мои округлившиеся глаза.

— Зачем ты в драку полезла? — спросил босс, сминая

ватный диск.

Я сглотнула.

— Не лезла. Лиза сильно разозлилась, когда...

— Меня не интересует Лиза, Марина. Я спрашиваю, почему ты позволила себя так потрепать.

Он демонстративно подняв руку, провёл по моим волосам и вытащил единственную неведомым образом уцелевшую шпильку, державшуюся только на честном слове. Мои волосы упали на лицо. Я почувствовала приятную боль на коже головы и запах обожаемого мной шампуня. Даже глаза на миг прикрыла, потому что это один из моих любимых видов секса в конце рабочего дня.

— Я пыталась успокоить, — ответила тихо. — Но она...

Поклонский кивнул, обрывая объяснение, и развернулся к аптечке, чтобы убрать её на место. А потом выкинул смятый диск в мусорное ведро.

Я наблюдала за его уверенными движениями, но видела напряжённую спину. А когда он повернулся, заметила и недовольный блеск в стальных глазах.

— Если подобное снова произойдёт, пожалуйста, не будь столь самонадеянна. Просто позвони и сообщи о происходящем. Твоё лицо важнее пары истеричных реплик какой-то шл... девушки по вызову.

Он убрал аптечку на место, после чего принялся заваривать кофе. А я с минуту молча таращилась на него и не могла понять истинных мотивов говорить мне подобное.

— Сергей Андреевич... Я могу ехать домой?

Острый как бритва взгляд скользнул по моему лицу, сильные пальцы стиснули ручку ещё пустой кружки, и это заставило меня прикусить язык.

Чего так психовать-то?

— Я вызвал водителя.

А обратно я как добираться буду? Только не общественным транспортом, ну пожалуйста!

Шеф наполнил кружку кипятком и развернулся ко мне лицом, но так и не посмотрел в мою сторону.

— Машину я сам подгоню завтра, возможно, мне пригодится твоя помощь, — задумчиво протянул он.

— Поняла. — Я натянуто улыбнулась, чувствуя, что выходной, как и треть моей жизни, полетел псу под хвост. Улыбнулась и тут же пожалела, потому что стало резко больно. — Ещё распоряжения будут?

Вроде бы привычный вопрос, который я задаю ему каждый день. Обычно он нормально реагирует, а тут за секунду в демона обернулся, нанизывая меня на остриё своего взгляда.

— Мне кажется или я слышу сарказм?

— Вовсе нет, — нервно улыбнулась я. — Разве я могу?..

Бос прищурился. И я точно увидела ответ его в глазах в духе «От тебя, Вавилова, чего угодно можно ожидать». Так и захотелось по-детски возмутиться «А вот и неправда!»

Мы несколько долгих секунд смотрели друг другу в глаза, но нас прервал звонок. Эту мелодию я не могла не узнать,

ведь водитель звонил шефу по несколько раз в день.

Поклонский поднял трубку и одобрительно хмыкнул, услышав собеседника.

— Машина у подъезда.

Он сбросил он вызов. Мне ничего не оставалось, кроме как подняться со стула и под пристальным взглядом босса процокать каблуками по кухонному кафелю, надеясь, что он не припомнит мне это когда-нибудь. В конце концов, сам за-тащил.

— Доброй ночи, Сергей Андреевич, — попрощалась я, проворачивая замок.

Поклонский ожидаемо не ответил, хотя не так давно пожелал приятных выходных. Убудет от него, что ли, если лишнее вежливое слово скажет? Всё же я ненавижу свою работу. И босса своего чёрствого тоже ненавижу!

Я старалась думать об этом всю дорогу домой, но войдя в квартиру и скинув с ног пыточную конструкцию, мгновенно обо всём забыла. Вечерний секс куда важнее глупых чувств. Он мимолётный, поэтому нужно наслаждаться каждым мгновением, проведённым босиком в пределах собственной квартиры, даже если раздражающе трезвонит смартфон, который сегодня не хочется брать в руки. Можно хоть чуточку побыть интровертом? А завтра я вся ваша, хоть порвите на много маленьких продуктивных Марин.

Судя по тому, как настойчиво звонила младшая, интровертом мне быть не случится. Не сегодня точно, потому что

Света будет обсуждать всё на свете и требовать от меня полной отдачи в общении, иначе непременно примчится «спасать» сестру от одиночества бутылкой текилы. К слову, я так давно с ними не пила, что угроза принять на грудь, позволить Поклонскому и высказать всё, что я о нём думаю, ехидно махала мне ручкой из-за угла.

Вздохнув, я приняла вызов и тут же была огрета обидой.

— Ну ты чего трубку не берешь? Я в пятый раз звоню! Слушай, мне срочно нужна твоя помощь. Толик в аварию попал и помял чужую тачку. Надо денег, чтобы мимо страховой, иначе опять коэффициент высокий будет. Можешь одолжить?

— Привет, Света, — привычно протянула я. — У меня всё хорошо, спасибо что спросила. Твой благоверный цел?

— Ой, ну чего ты начинаешь? Не так уж редко я звоню, чтобы постоянно о делах твоих спрашивать. И да, Толик целый, чтоб его катарсисом огрело. Сидит побитый, думает, где денег взять. Ну так что?

— Побитый — в смысле виноватый? — интересуюсь я, вздёрнув бровь. — Или ты опять рукоприкладствовала, Коновалова, врач на полставки?

В ответ мне многозначительно промолчали, чем спровоцировали неконтролируемый взрыв смеха. Света, конечно, врач от бога, но мужа своего любит поколачивать, когда тот провинится. И дело вовсе не в пристрастии калечить, а в темпераменте. Взрывная она у нас.

— Вот ты ржешь, а этот, с придурью, даже не понял, чего я так психанула!

— И вряд ли поймёт, — прыснула я в кулак. — Ты же никогда не говоришь, просто колотишь — и всё тут. Неужели там такой огромный ущерб? Сколько денег-то нужно?

— Да сумма не такая большая. У тебя точно найдётся семьдесят тысяч. Через пару месяцев мы всё отдадим, только ласточку нашу починим.

Растеряв всю весёлость, я вздохнула. Кубышка с деньгами у меня действительно есть, но я как-то не планировала подобных трат.

— Ладно. Завтра заеду.

— Утром?

Припоминая своё расписание и отсутствие транспорта, я печально ответила:

— Скорее всего, после обеда. Завтра имеется кое-какая работа от шефа.

— А может, всё-таки утром? Нам до десяти эти деньги нужны. Ну или я могу сейчас Толика к тебе отправить, чтобы забрал.

И испортить мне весь вечер его нытьём? Ну уж нет!

— Я постараюсь перед делами заехать! — выпалила я чуть резче, чем хотелось бы.

У меня ещё от прошлого раза психика не отошла, когда он приезжал с соленьями. Хуже базарной бабы, ей богу. Я ещё при знакомстве поняла, что они с младшей друг друга

стоят, ибо так вцепляться в ухо умеет только моя сестра! И если Светка старается нести в мир позитив, то Толя с ней резко контрастирует.

— Ладно. Тогда завтра увидимся.

Прощавшись с сестрой, я выдохнула и поползла в душ, где меня размазало, как счастливую карамель по горячей булке. До кровати я добралась, едва переставляя ноги. Чуть не забыла выставить будильник и уже со слипающимися глазами набросала список задач на грядущий день.

Где бы только сил на них взять...

Шеф приехал в девять утра. Для этого невозможного мужчины рабочий день начинается стандартно даже в выходные. Я в какой-то степени жалею, что температура у него не поднимается уже второй день, да и других симптомов заболевания нет. Врач сказал, что всё в норме, но не советовал Поклонскому так быстро включаться в работу.

Кто бы его слушал...

Когда я вышла на улицу, то обнаружила, что моя машинка уже стоит у подъезда. И управление ею мне, конечно, никто отдавать не намеревался, что не очень-то радовало меня, как владельца. Но кто я такая, чтобы требовать у шефа пересесть на пассажирское сиденье подаренного им же автомобиля?

— Сергей Андреевич, могу я попросить вас заехать снача-

ла к моей сестре? Мне очень нужно, — вместо приветствия начала я, садясь в машину.

Босс сразу метнул в меня недовольный взгляд, но этот утренний ритуал я совершила ещё по телефону час назад, когда звонила, чтобы убедиться, что его состояние позволяет ему заниматься какими бы то ни было делами.

— Это долго? — спросил он слегка сдавленным голосом.

Я повернула голову и внимательно посмотрела на него. Сегодня босс был просто в рубашке без галстука, да и пиджака на заднем сиденье я не видела. Это не показалось мне удивительным. В конце концов, галстук каждое утро завязываю ему я. То единственное, что он ненавидит делать самостоятельно, когда дело касается его одежды.

— Нет. Пара минут, не более. Единственное, дорога займёт минут пятнадцать.

Поклонский бросил взгляд на наручные часы и кивнул, заводя машину.

— Адрес.

— А адрес не изменился, — ответила я, стараясь не вспоминать, как он забирал меня из родительской квартиры, когда я согласилась на его условия.

Ехали мы в молчании. Вернее, я полностью погрузилась в рабочий процесс и составление плана на грядущую неделю, ведь поездку никто не отменял, а это значило, что все вопросы по организации комфорта Поклонского лежали на моих плечах. Шеф же думал о чём-то своём и присутствия

личной помощницы не замечал, что было уже само собой разумеющимся.

Когда мы подъезжали к дому, мой смартфон ожил, оповещающая о нетерпеливости сестры. До десяти оставалось ещё минут сорок, но она всё равно решила убедиться, что я никуда не денусь, хоть на моей памяти не было ни единого случая, когда я подводила бы кого-то из родных.

— Ты не забыла?

Я тут же растерянно улыбнулась, не понимая причины возникновения подобного вопроса.

— А это возможно?

Света на секунду замялась, понимая, что сморозила ерунду.

— Ну мало ли...

— Через пару минут уже буду. Жди.

Сбросив вызов, я посмотрела на шефа. Тот по-прежнему не проявлял никаких эмоций, внимательно следя за дорогой. Почему-то подумалось, что, несмотря на моё отношение к нему, как собственному боссу — я сейчас про нередкое желание его убить, — я никогда не испытывала дискомфорта, оставаясь с ним наедине.

То есть молчание никогда не стесняло. Я не задумывалась о том, что сказать, обсудить. Поклонский в принципе любит помолчать, а мне нравится, когда тихо. Много времени, чтобы подумать над рабочими процессами. Время и тишина — ценные ресурсы для таких рабов, как я.

Когда мы подъехали к нашей многоэтажке, я выскользнула из машины и направилась к подъезду, рассчитывая быстро передать деньги и вернуться. Но с удивлением замерла, услышав позади хлопок и писк сигнализации своей машины. Обернувшись через плечо и с содроганием сердца поняла, что шеф решил последовать за мной.

Что за?..

— Сергей Андреевич, я быстро, — попыталась образумить его.

— Я понял, — ответил он холодно, но даже и не подумал остановиться.

Стало не по себе. Очень не по себе.

Улыбнувшись, я продолжила путь, отмечая, что босс бесшумно следует за мной, сверля взглядом спину. Набрав номер квартиры на панели домофона и дождавшись, когда нам откроют дверь, мы вошли внутрь. Все ароматы старого подъезда тут же обрушились на нас, но я только в лифте увидела, насколько Поклонскому было неприятно. Неженка. Привык к элитным домам и чистоте.

Света встретила нас с открытым ртом. Шефа она увидеть не ожидала, поэтому, когда пропускала внутрь, вся будто сжалась, пока я думала, как отдать деньги. Ведь я даже в конверт их не догадалась положить, а там приличное количество пятитысячных купюр.

— Здравствуйте, Сергей Андреевич, — с придыханием выдавила Света, во все глаза таращась на него.

— Здравствуйте, Светлана, — ответил он, будто кусок льда проглотил.

Я же кусала щёку изнутри, по-прежнему не понимая, что делать. Да и... Поклонский увидит мамин кошелёк и опять психанёт, как пить дать!

— Может, чаю? — с надеждой протянула сестра.

— Мы торопимся, — выдохнула я, хватаясь за сумочку.

— Вовсе нет, — ошарашил Поклонский и принялся снимать ботинки.

Сестра улыбнулась и, пока шеф не видел, многозначительно поиграла бровями.

Дурная женщина. Ну какого чёрта?

— А где Толик и... папа? — спросила я, натянув улыбку и искренне надеясь, что оба за пределами. В идеале было бы города, но я рассчитывала хотя бы на дом.

Свету ещё можно пережить. Свету, Толика и папу не переживёт и сам Сатана.

— Толик скоро вернётся, а папа дома, — улыбнулась сестра, кивнув на мои ноги. — Ты проходить-то будешь? Или на пороге чай попьем?

А можно я пойду? Ну, пожалуйста!

Поклонский отодвинул свои дорожные ботинки и, скользнув взглядом по моему лицу, прошёл вперёд, оттесняя Свету своей массивной фигурой.

— Да, проходите на кухню, — не растерялась Светик. — Ну что ты встала, как вкопанная, Мариш? Проходи давай,

папа всё равно спит после ночных прогулок своих.

Сердце больно бухнулось о рёбра.

— Опять? — спросила тихо, снимая туфли. — Как он?

— Ничего не поменялось, — усмехнулась сестра, складывая руки на груди. — Я не знаю, где он денег взял на этот раз.

Стиснув зубы, я укоризненно посмотрела на сестру, а затем покосилась в сторону кухни, откуда Поклонскому прекрасно было всё слышно.

— Значит, скоро узнаем.

Достала кошелёк из сумочки, и, когда вытаскивала оттуда тонкий пласт купюр, буквально кожей ощутила пристальное внимание шефа. Подняла голову и напоролась на гнев. Гнев, мать его!

— Мне казалось, я неоднократно ясно давал понять, чего именно не хочу видеть в твоих руках, — произнёс он холодно.

Я сжала кошелёк, злорадно подумав, что все его подарки продала, а часть вырученных денег сейчас передаю. Промолчала, не видя смысла оправдываться. Сунула купюры сестре в руки и направилась в кухню, пытаясь миновать шефа.

Этот разговор проходил не впервые. И я не раз сообщала, что это мамина вещь. Да, потрёпанная, да, неприглядная, но я ею практически не пользуюсь в его присутствии.

Это вообще то единственное, в чём я готова стоять до победного конца.

Поклонский схватил меня за плечо и припечатал к стене,

чтобы захватить пальцами подбородок и заставить смотреть в его стальные глаза, на дне которых сейчас можно было увидеть раскалённый едва ли не добела гнев.

— Мне каждое утро проверять твою сумочку, чтобы отбить привычку таскать эту дрянь с собой?

К горлу подкатила волна страха. Сердце заколотилось как сумасшедшее, разгоняя по венам кровь, сжигающую кислород ещё быстрее. Я молчала и старалась не реагировать, но всё равно чувствовала, как нос защипало от подступившей влаги.

— Я пока чай сделаю! — Света юркнула мимо, не желая быть участником перепалки. Ей прекрасно было известно, что Поклонский способен задавить любую попытку вмешательства.

— Я задал вопрос, — проговорил шеф. — И намерен услышать ответ.

Он никогда не был хорошим. Никогда. Это моя иллюзия, выстроенная на том, что Поклонский всегда спокоен и холоден. Иллюзия, которая заставляет забывать, как он обходится с должниками, которые после встречи с его людьми могут попасть в больницу с побоями, и чьих дочерей он может себе позволить взять в сексуальное рабство.

Воспоминания накатили одной сплошной тяжёлой лавиной, причиняя боль, давя сверху многотонной толщей ледяного снега. Воспоминания о том, как восемь лет назад, стоя в этой же квартире, он злорадно улыбался, наблюдая мои слез-

ливые потуги уговорить его оставить меня с семьёй.

«Кого ты обманываешь, Марина? Они тебе не родные».

Не родные. Разве можно так говорить о семье, частью которой ты являешься? Да, у нас разная кровь. Но я люблю их, какими бы они ни были. Люблю каждого без всяких пред-
рассудков. Они — то единственное, чем я действительно до-
рожу.

Я так привыкла к его холодности, когда делаю всё пра-
вильно, что совершенно забыла, каким он бывает, когда что-
то выводит его из себя. А последние дни он вообще, будто не
в себе, и ожидать от него можно чего угодно.

— Сергей Андреевич, — выдохнула я, — я же говорила,
это мамин коше...

— Я. Не хочу. Видеть. Эту. Дрянь, — чётко выговаривая
каждое слово и глядя в мои глаза, заявил он. — Ты прямо
сейчас отдашь его сестре и забудешь. В противном случае я
разорву контракт.

Я сглотнула колющий ком в горле и медленно кивнула.

— Прекрасно, — хмыкнул босс, выпуская из пальцев мой
подбородок и тут же сунув руки в карманы.

Снова попытавшись проглотить горечь и не отлипая от
стены, я достала из эксклюзивного кошелька, сшитого на за-
каз у известного дизайнера специально для мамы, все кар-
точки и деньги и переложила их в сумочку. После чего про-
шла на кухню, открыла верхний шкафчик и засунула нена-
вистный шефу предмет туда. И только потом села за стол,

который уже накрыла Света.

Поклонский опустил ся напротив и принялся сверлить меня взглядом. Уверена, он видел, как покраснели мои глаза. Я на грани. Мне хочется разреветься, как маленькой девчонке, потому что я не понимаю, за что он так со мной. Неужели за восемь лет я не заслужила одной уступки и достойного к себе отношения?

— Вечером всё в силе? — робко спросила Света, разливая по чашкам чай и, видимо, пытаясь разрядить обстановку в меру своих возможностей.

— Какие планы? — спросил босс.

— Ну-у... — замялась Света. — Мы хотели сегодня встретиться. Пообщаться. Марина вечно занята, поэтому видимся редко.

— Но метко, — поморщился босс, беря чашку с горячим напитком, который я сейчас с удовольствием перевернула бы ему на голову.

Сразу после того, как придушила бы.

— Я не пью, — возразила равнодушно. — Бокал вина за ужином не считается.

Уголок губ Поклонского дрогнул. И вот не пойму, то ли это смех, то ли презрение. Слишком быстро оно промелькнуло, чтобы оценить. Но учитывая, как сам шеф относится к алкоголю, могу предположить, что второе. Он совершенно не умеет пить. Настолько, что насколько выпитых стаканов доводят его до вертолёт ов и невозможности распознать лицо

собеседницы.

подавив застарелое, свербящее под коркой воспомина-
ние, я сделала глоток чая, стараясь отпустить негативные
эмоции. Я всё ещё на работе. Нужно забыть о личном.

— Так что насчёт сегодня? — повторила вопрос Света.

— Если буду свободна, сообщу.

— А ты можешь быть несвободна? — улыбнулась сестра.

— Что-то личное?

Я застыла от её бестактности. Господи, ну кто спрашивает
о таких вещах в присутствии начальства, а?

Поклонскийпил чай с невозмутимым видом, а Света...
Света, мать её, не унималась.

— Давно пора замуж, Мариш.

Я тут же вспомнила кольцо в чёрной коробочке, кото-
рое выпало из пиджака шефа, и покрылась холодным потом,
представив, как он делает предложение незнакомой мне де-
вице. А он сделает. Иначе не купил бы этот треклятый жёл-
тый ободок для пальца какой-то новой жертвы, что станет
идеальной женой в его власти.

— И ребёночка родить, — протянула младшая. — Что мо-
жет быть лучше, а?

Я метнула в неё убийственный взгляд, потому что млад-
шая проехала по самому больному. Да ещё и в присутствии
шефа, который на протяжении восьми лет отбирал у меня
возможность завести полноценную семью. Ведь я не могла
уйти в декрет, пока не выплачу долг отца.

— Нам пора. — Поклонский взглянул на часы и отставил чашку. — Спасибо за чай.

Жаль, там не было яда. Это было бы самое прекрасное утро за восемь лет.

Попрощавшись, мы покинули родительскую квартиру. Я старалась не вспоминать тяжесть чемодана с вещами, который сама тащила восемь лет назад. Всё изменилось. Абсолютно всё.

Глава 5

Выходные, как и мои планы, пролетели фанерой над Парижем. Я маминым кошельком так разозлила шефа, что он и минуты свободной на выдохнуть не давал. Естественно, никакой встречи с сёстрами не состоялось. Причём Поклонский всё прекрасно помнил и понимал, но возразить мне ему было нечего.

И если вы спросите, чем же можно заниматься в выходные, чтобы загрузить помощника работой, я отвечу: всем! Абсолютно всем, начиная с перебора собственных отчётов с начала года и заканчивая основными целями компании на грядущее полугодие.

Я думала, сдохну от усталости, но стоило только начать клевать носом, как меня тут же отправляли в свободную спальню, а когда я отнекивалась, настаивая на том, что мне нужно ехать домой, меня припечатывали холодным: «Если у вас есть силы мне перечить, значит, есть силы и на оставшиеся задачи».

Боже, кто бы только знал, как я ненавижу этого гада!

Немудрено, что сегодня утром я чувствую себя уставшей. К сожалению, даже пробежку не осилила, потому что тупо не могла оторвать голову от подушки.

Но несмотря на всё это, я привела себя в порядок и, проклиная босса, который плевать хотел на Трудовой Кодекс,

отправилась к нему домой, чтобы собрать его на работу.

— Вы хорошо себя чувствуете? — спросила с улыбкой, завязывая галстук на его шее.

— Вполне. В отличие от тебя, Марина. Видно синяки под глазами, — отметил он равнодушно.

А кто, простите, в этом виноват?!

Руки дрогнули, когда узел был достаточно близок к горлу. Как же хочется его придушить, сил нет это терпеть! Выдохнула, поправила всё и, стряхнув с широких плеч несуществующую пыль, отошла в сторону, чтобы оценить внешний вид босса.

Идеально.

Соблюдая утренний ритуал, подала планшет с расписанием и отправилась наливать кофе. Единственное несоответствие состояло в том, что кухня была пуста. Поклонский приказал отменить всех девушек. Совсем. А я вспомнила, что в субботу отвозила его на какую-то встречу, о которой мне никто не рассказывал. А ещё вспомнила про кольцо.

Один плюс один равно... Поклонский сделал предложение, на которое получил согласие. Теперь статус обязывает блюсти верность.

Поморщилась, едва не расплескав кофе из чашки. Это просто моё дурацкое воображение. В конце концов, в субботу у него был неофициальный вид, и цветов он не покупал, как ни бронировал и ресторанов. Высадила его я у офисов, где мы никогда раньше не бывали.

Кто станет делать предложение руки и сердца в такой обстановке?

А всё воскресенье мы провели в пределах его квартиры. Не по телефону же, в конце концов, такие вопросы решаются. Может, он просто устал от любовниц?

А кольцо?

Я поставила чашку на стол и, прикрыв глаза, глубоко вдохнула, пытаясь перестроиться. Голова слишком забита Поклонским. Слишком острый осколок поселился внутри, чтобы не обращать внимания на боль, сравнимую с движением скальпеля хирурга, неаккуратно распарывающего грудную клетку пациента. Слишком много «слишком» для последней недели.

Поклонский вошёл на кухню, сел за стол и, глядя в планшет, принялся пить кофе, не замечая моего присутствия. Я же поймала звенящую пустоту в голове, когда выхватила взглядом твёрдую линию мужских губ.

Ты ненормальная, Вавилова! Идиотка! Как можно испытывать хоть крупицу чувств к этой чугунной статуе?

— Забронируй столик в ресторане сегодня на семь вечера, — раздалось внезапно.

— Конечно, Сергей Андреевич. Встреча официальная?

— Нет, — ответил он, не отрывая взгляда от планшета. Хлебнул жженной жидкости из своей чашки и добавил: — Ты не идёшь.

Проклятый осколок в груди рывком провернулся, отчего я

почти почувствовала вкус крови на языке. Почему так больно?

— Поняла, — ответила с вежливой улыбкой.

Хорошо, что он не взглянул на меня. Думаю, в этот момент по моему лицу можно было прочесть, что вежливости там ни на йоту.

Через пятнадцать минут, когда мы уже покинули его квартиру и ехали в машине, Поклонский внезапно нахмурился, глядя на меня. Естественно, я уже держала лицо и ничего не могло выдать моего истинного внутреннего состояния.

— Что-то не так? — спросила спокойно. — Вы выглядите обеспокоенным.

Босс прищурился на миг, а потом отвернулся к окну, оставив вопрос без ответа.

Этот взгляд я ловила на себе в течение всего дня. Краткий, хмурый, странный. Будто какая-то мысль касательно меня не позволяла шефу переключиться. И это, прямо скажем, настораживало. В конце концов, мне немножко осталось до конца! Совсем чуть-чуть, и я знать забуду весь этот холдинг и его владельца!

Ближе к обеду, у архива, когда я, уже набегавшись по всему зданию, мысленно стаскивала себя проклятые туфли, меня настиг Карпов. Схватил под ручку и, не обращая внимания на мой тоскливый взгляд, брошенный на заветную дверь, повёл прочь.

— Мариша, ты должна со мной пообедать.

«Кому должна, я всем прощаю» — хотелось ответить, но кому, как не Карпову, известно, что это далеко не так.

— А может, в другой раз? — спросила с надеждой. — Я правда-правда внесу вас в расписание, Никита Михайлович.

Карпов усмехнулся и тряхнул головой, не сбавляя шага.

— Ты должна мне кое-что рассказать касательно Серёги, Мариш. Сама знаешь, тут без вариантов. Тем более что завтра вы отбываете в командировку.

И вспомнив, что у меня ещё даже вещи не собраны, я едва не расхныкалась.

Столик в местном ресторане был забронирован Карповым заранее, что не удивляло. На такой должности нереспектабельно стоять на входе в час пик и ждать своей очереди.

Не спросив моего мнения, Карпов заказал нам обоим стейк из говядины, салат с рукколой и виноградный сок. Мой полный разочарования взгляд проигнорировал, принимаясь за еду.

— Итак, Мариша. Что у вас случилось в период болезни Серёги, что он ведёт себя сейчас, как голодный лев в клетке?

Сравнение, надо сказать, такое себе. Поведением Поклонский напоминает скорее ленивца. Видимых причин бояться нет, но эта зверюга в любой момент может оттяпать от тебя кусочек тебя же и даже не поморщиться.

— Ну-у-у, — протянула я, быстро перебирая в памяти все события. — Вроде ничего такого.

— Вроде? — не поверил Карпов. — Когда ты говоришь

«вроде», обычно это означает, что было овердофига серьёзных моментов, о которых следовало бы рассказать.

Я поджала губы, припоминая последний разговор.

— Никита Михайлович, я понимаю, что вы лучший друг Сергея Андреевича и хотите как лучше, но позвольте заметить, что сам Сергей Андреевич радовать вас информацией не спешит, а значит...

— А значит, порадовать ею меня поспешишь ты, Мариша, — перебил Карпов и широко улыбнулся. — Давай минуем стадию твоей обиды, моего давления, признания поражения с твоей стороны и сразу перейдём к сливу информации, рыба моя зубастая.

Иногда, особенно вот в такие моменты, мне хочется ему врезать. Желательно — хрустальным кувшином с соком, что так маняще сверкает в свете дневных ламп. Он словно шепчет: «Ну давай, возьми меня и... вмажь сволочи красноречивой».

— Ты невыносим! — фыркнула я.

— Прости, это говоришь мне ты? — рассмеялся он. — Учитывая, чья ты помощница уже восемь лет, мне трудно принять твои слова за истину. — Карпов перевёл дыхание, видя, что мне совсем не смешно, отпил из бокала сок и, поправив галстук, снова взял вилку. — Ладно, давай мир.

— Я с тобой не ругалась. Просто ты вечно выводишь меня из себя своей гиперопекой. Он не маленький мальчик и вполне способен сам разобраться со своими проблемами.

Карпов ответил не сразу. Насмешливо смотрел и, видимо, размышлял о чём-то.

— Я уже говорил, что у него было очень непростое детство.

Говорил. Вот именно этими двумя словами и говорил, не вдаваясь в подробности.

— Пока ты нежилась в материнской любви и ласке, он пребывал в аду. В том аду, когда мать ненавидит собственное дитя только за то, что его отец неправильно поступает по отношению к ней.

Я замерла, сжав стакан. Сердце вмиг прыгнуло в горло и застучало там барабанной дробью.

— Только не кидайся его утешать, ладно? — усмехнулся Никита. — Есть вероятность, что зашедшего ко льву в клетку, чтобы того приласкать, вытаскивать будут по кускам.

Сглотнув, я попыталась перевести дух.

— Он поэтому такой?..

— Закрытый? Тиран? Перфекционист? Я знаю его таким со школы, акула моя ненаглядная.

Я внимательно посмотрела мужчине в глаза. Мне казалось, что они хоть и лучшие друзья, но не настолько давно друг друга знают. Карпов впервые ведёт со мной столь откровенную беседу. Обычно, если требовалось как-то угодить шефа, он расспрашивал что и как, но никогда ничего не рассказывал о них самих.

— Я не знала, — ответила, поднимая стакан с соком.

— Я не видел смысла обсуждать подобное.

Я вскинула бровь:

— А разве сейчас что-то изменилось?

Он усмехнулся, сунул кусочек стейка в рот и откинулся на спинку стула, как сытый кот после последнего в жизни обеда. Но так только казалось.

— Ты же и сама прекрасно всё видишь, иначе не стала бы гоняться за мной по всему офису на прошлой неделе. Расскажи мне, что случилось, Мариша. Я попытаюсь его образумить, иначе тебе с ним несладко придётся в Ялте. — Никита кивнул мне и задал вопрос, от которого я оторопела: — Это он тебя так приложил?

Я ведь совершенно забыла про ссадину на губе. И как вообще можно подумать, что босс распускает руки? Нет, он, конечно, может позволить себе что-то безобидное, как у Светы дома, но чтобы рукоприкладство?

— Не он.

Поджала губы, размышляя над ситуацией в целом. Карпов, конечно, тот ещё раздолбай, но Поклонского в чувство приводить умеет, а мне это крайне важно для спокойствия в командировке.

Выдохнула и начала, как мне показалось, с главного:

— В пятницу одна из его девочек закатила мне сцену ревности у него под окнами и полезла в драку, когда Поклонский отправил её домой за опоздание. Меня отчитал, но других не вызывал. Причём воскресную тоже отменил.

Карпов нахмурился и навалился локтями на стол.

— То есть она тебя поколотила, а он решил, что больше ему любовницы не нужны?

— Эм-м... — Я моргнула, понимая, куда он клонит, но это всё выглядело таким смехотворным... — В субботу мы поехали по делам. Мне нужно было заглянуть к сестре, чтобы передать деньги...

— Стоп, что? — Никита выставил вперёд ладонь, останавливая поток моих слов. — Ты всё ещё помогаешь им? Серьёзно? Слушай, ты мать Тереза, что ли? Они восемь лет из тебя верёвки вьют. И откуда ты вообще деньги берёшь, мы ж впритык твой бюджет посчита...

И тут Карпов заткнулся, напоровшись на мой офигевший взгляд.

Чего?

— Ну, то есть... — Он знакомо поморщился, скопировав привычку Поклонского, и мотнул головой. — В общем, неважно. Важно то, почему ты продолжаешь обеспечивать их деньгами после того, как тебя фактически продали в рабство?

— Я сама согласилась, — возразила я, с содроганием вспомнив день «Х».

— Да? — Никита усмехнулся и снова откинулся на спинку стула. — В какой, прости, момент? Когда рыдала в ногах Поклонского в коридоре родительской квартиры или когда вся твоя семья дружно ткнула в тебя пальцем в ответ на во-

прос «Какую из сестёр я могу забрать?».

— Они сделали это под давлением! — процедила я сквозь зубы.

Карпов переменился в лице, теряя своё природное обаяние, и подался вперёд.

— Под каким давлением, Марина? Знаешь почему выбор пал именно на тебя?

Я сглотнула, не имея сил ответить. Точно зная, что Карпов всё равно скажет.

— Есть множество причин, одна из которых — преданность, — его губы растянула неприятная улыбка. — Прости за то, что скажу, но ты как та собака, которую кормят и колотят, а она всё равно бежит к хозяину, виляя хвостом.

Почувствовав, как горло сдавило горьким сухим спазмом, я широко улыбнулась.

— Они моя семья, Карпов. Они всё, что у меня есть. Они то, чему я буду предана, пока дышу.

— Дура ты, Вавилова, — бросил он беззлобно и вздохнул, явно желая продолжить эту тему, только каким-то чудом решил перейти к главному. — Так что случилось дальше?

Но мне уже была очевидна причина злости шефа.

— Он увидел, что я передаю Свете деньги, и вызверился на меня, прикрывая истинную причину маминым кошельком, от которого уже давно требовал избавиться.

Никита переменился в лице.

— Маминым кошельком? Тем самым, который типа бас-

нословных бабок стоит?

— Им, — ответила я удивлённо. — А ты откуда...

— Млять, теперь понятно, чем его так триггернуло, — поджал губы Карпов. — Надеюсь, у тебя хватило ума выбросить его? Потому что если нет, он тебе голову открутит, а я помогу.

— А что с ним не так?

— А то, что его твоя мамаша получила в качестве подарка на годовщину...

И он заткнулся. Просто взял и заткнулся, очевидно, сообщив, что даёт лишнюю информацию.

— На какую годовщину? — потребовала я ответа.

— М-да. — Никита вздохнул, смяв салфетку. — Знаешь, Мариш, я, как человек, многое не могу принять в решениях и поступках Серёги. Но как его друг, просто не буду лезть в это дело, как бы хорошо к тебе ни относился.

Я сидела оглушённая и совершенно не понимала, что происходит. Сердце стучало так громко и сильно, что наверняка могло пробить грудную клетку. А меня волновал только один вопрос: при чём тут мама?

— Карпов, будь душкой, по-хорошему прошу! Объясни, какого чёрта происходит, а?

Тот усмехнулся невесело и поднялся из-за стола, вытаскивая зажим с деньгами из внутреннего кармана пиджака.

— Прости, прелесть моя, но я действительно не стану. Скажу только, что всё началось задолго до того, как ты сыг-

рала со мной первую партию в шахматы.

И, бросив на стол несколько крупных купюр, он удалился, оставив ошеломлённую меня переваривать сказанное.

Сказанное не переваривалось.

Последняя фраза Никиты предполагала пересмотр всей моей жизни с рождения. Я не понимала, при чём тут детство Поклонского, моё и мамин кошелёк, пока не вспомнила один её разговор с папой на повышенных тонах. Ведь дизайнерскую вещь подарил не он...

Через пятнадцать минут я, всё в том же состоянии, сидела у Киры в кабинете и потягивала горячий кофе.

— Я не верю, — отрезала, со стуком отставив кружку. — Всё это похоже на какой-то бразильский сериал.

— И правда, звучит бредово. Не слишком ли быстро ты сделала выводы со слов Карпова? — спросила подруга, внимательно глядя на меня. — Составить целую картину из обрывков фраз, это, конечно, в твоём духе, но не думаешь ли ты, что вывод преждевременный?

Я вздохнула и ещё раз прокрутила в голове наш разговор.

— Давай опишу, как это выглядит в моих мыслях? — Я откинулась на спинку стула. — Карпов точно сказал, что Поклонский жил в аду, который ему устроила его мать из-за плохого отношения к ней её мужа. Это первое. Второе: он зачем-то приплёл к этому разговору моё замечательное детство, полное родительской заботы. Третье: босс ненавидит

кошелёк моей матери, а я помню, что его ей подарил не папа. Четвёртое: разница в возрасте у нас с шефом невеликая. Всего три года. То есть когда умерла моя мама, ему было лет девятнадцать-двадцать. Пятое: Карпов сказал, что всё началось задолго до первой встречи с ним.

— М-да, — выдала Кира, облокотившись о стол и подперев кулаком щёку. — А при чём тут ваш возраст?

— При том, что моё детство не так уж сильно отдалено от его. — Я поёрзала на своём любимом стуле и поняла, что не могу расслабиться. Никак. Проклятый Карпов. Сломал мой обеденный секс. — Знаешь, я довольно часто задавалась вопросом, почему Поклонский установил срок найма именно в восемь лет? Почему не пять или десять? — Взглянула на подругу, ища ответа в её глазах. — Бизнесмены любят круглые цифры, это всем известный факт. Так почему восемь?

— Думаешь, личное?

— В свете слитой Карповым информации, думаю, да.

— А мне кажется, что ты перегибаешь и накручиваешь, ища какие-то заговоры.

Улыбнулась ей.

— Я бы так же думала, если бы не «Всё началось задолго до...»

Мы замолчали, размышляя над ситуацией. Я знала, что верные ответы стоит искать у самого Поклонского, но отчего-то было страшно даже думать о том, чтобы спросить.

Допив кофе, отдала запасные ключи от квартиры подру-

ге, чтобы та имела доступ к ней на случай форс-мажора, и, поцеловав её в щёку, устремилась к своим прямым обязанностям. Слишком много работы требовалось сделать перед отъездом.

— Анжел, ты забрала задание у шефа? — уточнила я, влетая в приёмную и садясь за свой компьютер.

— Забрала, — ответила та с улыбкой. — Ничего критичного, могу сама сделать, если ты занята.

Я с подозрением покосилась на её чрезмерно счастливое приветливое лицо, но даже размышлять не было времени.

— И что там?

— Да ничего особенного. Обзвонить пару человек, найти стандартный договор, отправить почтой документы.

— Хорошо, — кивнула я. — Буду благодарна, если сделаешь.

— Без проблем, — весело ответила девушка, будто забыв, что работает с ненавистной Цербершей.

Я выкинула из головы абсолютно всё, что мешало мне думать. Подготовила пакет документов на случай заключения сделки с новым предприятием, пересмотрела расписание, уточнила бронь отеля, в котором мы будем проживать. Проверила также возможность аренды автомобиля, время прибытия и созвонилась со встречающими, чтобы исключить любые несостыковки во времени.

В общем, обычная рутинная работа заставила меня позабыть обо всех проблемах, неприятностях и неразгаданных

тайнах. Правда, ровно до той минуты, пока по селектору не раздался голос Поклонского.

— Марина, зайди.

И я как-то разом ощутила всю накопившуюся усталость и тяжесть собственной задницы, так удобно устроившейся в любимом рабочем кресле. Мне бы захныкать, как ребёнку и съехать под стол, чтобы никто не нашёл.

Эх, мечты!

Как бы там ни было, я поднялась и отправилась на ковёр, стараясь не вспоминать слова одного стервеца, попортившего мне кайф в обед.

Шеф ждал стоя у стола, и первой его фразой, когда я с сосредоточенным видом замерла посреди помещения, было:

— Иди сюда.

Под моим удивлённо-вопросительным взглядом он отодвинул своё кресло, предлагая присесть.

Молча обошла стол и села на мягонький, как перина, предмет мебели. Твою мать, здесь, наверное, спать — одно удовольствие.

Так, Вавилова. Песок в глазах — это ещё не повод терять связь с реальностью!

— Я ответил на письмо, которое дети из приюта написали анониму. Хочу, чтобы ты переписала его и ждала меня здесь, пока я наведываюсь в финансовый отдел.

На мониторе действительно было короткое письмо. Я пробежалась взглядом по сухим строчкам, а потом перевела его

на Поклонского, ожидая пояснений.

— Простите, я не совсем...

— Просто перепиши своими словами. — Шеф взял со стола планшет и, сняв его с блокировки, направился прочь из кабинета, добавив со странной ноткой не то укора, не то похвалы: — Тебе же свойственно смягчать всё, к чему прикасаешься.

Он вышел, а я осталась один на один с мягким креслом, собственной усталостью и сухим, как древний свиток, текстом.

«Я рад, что вы получили от меня игрушки...»

«Дорогие дети! Это замечательно, что мои подарки порадовали вас...»

В общем, много времени это не заняло. Дольше пришлось ждать Поклонского, ощущая, как слипаются сухие глаза и сила притяжения манит положить тяжелую голову на сложенные руки. Но вместо этого я подпёрла кулаком щеку и смежила на миг веки, чтобы хоть чуть-чуть снять напряжение.

Тихое звяканье вывело меня из состояния дрёмы. Я открыла глаза и обнаружила, что в кресле шефа буквально лежу. Сбросила туфли, подтянула ноги и лежу, удобно свернувшись в позе эмбриона. А сам шеф...

Поклонский сидел напротив и попивал из чашки кофе, читая что-то на планшете. Лицо расслабленное, не предвещающее ничего плохого.

Сердце прыгнуло в пятки и обратно. Я резко вскочила, едва не опрокинув кресло, схватилась руками за столешницу и начала привычно мямлить, потому что настолько растерялась, что и сама не знала, что меня ожидало.

— П-простите, Сергей Андреевич, я-я-я не... даже н-не знаю, как так вышло!

Поклонский оторвал свой стальной взор от планшета, равнодушно посмотрел на меня и тут же поморщился.

— Прекрати мямлить, Марина. Чтобы подобных инцидентов не происходило, стоит высыпаться ночами.

Я стиснула зубы и продолжила неподвижно стоять, ожидая выговора или ещё чего похуже, но шеф удивил. Почти ошеломил.

— Собирайся и вызывай машину. Пора домой.

Как пора? Я залезла в карман пиджака в поисках смартфона, но с удивлением обнаружила тот на столе. Сняла блокировку, взглянула на время и... дар речи у меня пропал. Рабочий день закончился полчаса назад!

А потом пропал повторно, потому что гаджет стоял на беззвучном режиме. В смысле, совсем беззвучном. В смысле, даже вибро отключен, чего я никогда не делаю!

— Сергей Андреевич, а зачем вы...

— Затем, чтобы ты выпалась хотя бы в этом кресле, ведь из-за раннего вылета ты вновь не сможешь отдохнуть, и завтра на встрече я буду раздражен твоей медлительностью и рассеянностью. — Он мельком взглянул на меня и снова от-

пил кофе. — Долго ты ещё раскачиваться будешь? Шевелись давай, я голоден и достаточно раздражен, чтобы портить настроение окружающим.

Эти фразы больно укололи под рёбрами, но я закрылась, оставляя неприятные чувства глубоко внутри.

— Поняла вас. — Надела туфли, поправила пиджак и быстрым шагом направилась прочь, думая о том, насколько сильно помог мне этот двухчасовой сон.

И замерла как вкопанная, когда сильные пальцы сомкнулись на моём запястье. Кажется, даже забыла, как дышать. Медленно повернулась и посмотрела на босса, который в свою очередь не отрывал пристального взгляда от собственной руки, будто та его предала.

— Волосы. Растрепались. — И, тут же отпустив меня, он вернулся к чтению и кофе.

Я недоумённо поправила причёску, всё ещё чувствуя обжигающий след, вьёвшийся в кожу. Сглотнула, испытывая спектр самых разнообразных чувств, от которых где-то в груди тряслась душа. И ушла. Ушла, запретив себе думать о том, что Поклонский не любит подобных прикосновений.

Глава 6

Город за тонированным стеклом автомобиля кажется серым и унылым. Внутри меня царит хаос. В груди сжалось что-то ершистое, причиняя дискомфорт, а мысли лихорадочно метались от одного к другому.

Поклонский смотрел на тротуары, прохожих и проезжающие мимо нас машины. По его лицу никогда нельзя сказать, о чём он думает. Единственное, что удавалось различить, так это недовольство, которое выдавали движения, действия и, крайне редко, тон разговора.

Я не знала, стоит ли заводить этот разговор. Не знала, как быстро из задумчивого босса он превратится в распространяющего тьму монстра, который заставит бояться его одним только взглядом, испарывающим меня, словно лягушку. Стоило ли оно того? Он всё равно не ответит.

— Сергей Андреевич, — позвала я, чувствуя, как сдавило горло. Всё моё существо явно против.

Поклонский повернулся и посмотрел мне в глаза, ожидая продолжения. Я же снова замялась. Боже, ну что он может мне ответить? Правду? Смешно.

— Вы знали мою мать?

На его лице не дрогнул ни один мускул, никак не изменился взгляд, ничего. Он продолжал сидеть в расслабленной позе, будто я вообще ничего не спрашивала. Карпов точно

меня не надул?

— С чего ты это взяла?

— Вы её ненавидели? — применила ту же методику ответа вопросом на вопрос.

И в этот момент случилось то, чего я боялась. Атмосфера в салоне автомобиля начала давить, а взгляд шефа потяжелел настолько, что стало трудно вдохнуть.

— Я должен рассказывать тебе что-то о своей жизни? Или, может, ты уже займёшься своими прямыми обязанностями и начнёшь думать о работе? По-моему, в контракте написано, что ты получаешь деньги именно за это.

Я стиснула зубы и улыбнулась, понимая, что своей реакцией Поклонский только подтвердил мою догадку. Будь иначе, он бы просто не ответил.

— Да, конечно. Простите.

Отвернувшись к окну и постаравшись отгородиться от ситуации, но... Проклятая влага застилала глаза и свербела в носу. Происходящее мне не нравилось. Очень не нравилось, но выяснять отношения с шефом сейчас всё равно что махать красной тряпкой у него перед носом.

Я понятия не имела, как буду выяснять правду. Да и нужна ли мне эта правда? У меня в голове не укладывалось, что может заставить одного человека держать возле себя дочь врага. Смотреть на неё каждый день и лелеять собственную ненависть.

Мсть? Разве это мсть? Да, я устаю, как лошадь. Да, у

моей семьи проблемы с деньгами. Но благодаря тому, что я работаю на Поклонского, они решаемы. И где бы я была сейчас, если бы в девятнадцать продолжила работать секретарём-референтом на мелкую фирму, которая ещё при мне начала загибаться? Замужем и с ребёнком на руках? А так ли хороша подобная перспектива, учитывая вечное отсутствие денег из-за отца-игрока, который не скупится приносить нам неприятности, несмотря на больное сердце?

Тихо выдохнула, представив, как ютилась бы с ними в одной квартире. Да, Поклонский выставил себя последней сволочью в те дни. Да, ему было плевать, что я чувствую и думаю. Да, он обеспечил мне полтора года морального ада, пока я привыкала к его режиму, привычкам, замашкам. Пока училась предугадывать действия и желания. Да, за восемь лет я притёрлась настолько, что теперь вся на его волне. Да, меня будет ломать, когда я уйду. Уверена, что рука постоянно будет искать смартфон, который я выброшу к чёртовой матери. Я буду думать только о том, как он тут без меня. Всё ли успевает, справляется ли?

И да, я сломаюсь, если он женится. Разрушу собственный остов до основания, потому что восемь лет притиралась к человеку. Потому что влюбилась несмотря ни на что. Потому что моя любовь настолько прогоркла ненавистью, что я физически чувствую её на языке.

Когда мы приехали, я сообщила шефу, что буду у него в четыре утра. Он не обратил на меня внимания, но я точно

знаю, что услышал. В ресторан по поводу ужина звонила уже из своей машины. Сообщили, что всё будет вовремя. И только после этого я завела мотор и поехала домой, где начала придирчиво перебирать вещи. Одно радовало: тренировку на сегодня босс отменил, чтобы осталось больше времени на отдых и сборы. За это ему спасибо, потому что энергии во мне практически нет.

Спать я легла рано, но, к своему ужасу, уснуть не получалось. Мысли постоянно возвращались к поведению Поклонского и словам Карпова. Я не знала, что с этим делать. Не понимала, какой толк от того, что я могу узнать. Что это изменит? Подозрения по поводу мамы у меня были, но я... Не хотела бы осквернять воспоминания о ней.

Уснула я глубокой ночью, в тысячный раз задавая себе вопрос «Зачем мне это?». А будильник прозвенел уже через три часа. Глаза открыла с трудом и, борясь с желанием поспать ещё пять минуточек, подорвалась в душ. Холодный. Самый быстрый и действенный способ проснуться, да. Потом — чашка кофе и повседневный макияж. Ни о какой пробежке, естественно, и речи не шло.

Через сорок минут я уже стояла в квартире шефа, складывая в чемодан вещи. Да, его сумки тоже я собираю. Да, выбор нижнего белья тоже за мной. Да, мне известно, какие марки боксеров любит босс, но надо, наверное, уточнить, что покупаю их тоже я. Марина Вавилова — не только отличная помощница, но и удобная жена, которая никогда не прирев-

нует, чёрт бы Поклонского побрал!

Ох, как бы я хотела видеть его лицо в первый день своей свободы! Так и представляю себе эту растерянность во взгляде и рушащийся мир вокруг. И да, фантазия у меня богатая. Восемь лет мечтаний о смертоубийстве некоторых, — это всё-таки опыт!

— Всё готово? — раздался вопрос из-за спины, когда я уже закрывала сумку.

Не вздрогнула только потому, что давно привыкла, что Поклонский умеет бесшумно появляться там, где его не очень-то ждут.

— Да, можем выезжать, — обернулась я с улыбкой.

Кто бы мне ещё объяснил, зачем я это делаю. Наверное, чисто рефлексивно. Пытаюсь улучшить его настроение своим вечно довольным видом, чтобы поменьше хмурости во взгляде. Или я так добиваюсь его расположения?

Жаль, у меня нет времени на личного психолога, чтобы помог разобраться в себе и прекратить эти выверты сознания. Кто поможет мне перенастроиться на саму себя, когда впереди больше не будет маячить спина Поклонского?

Босс подошёл и забрал из моих рук сумку, бросив через плечо сухое:

— Поторапливайся.

Выдохнула досаду, на миг смежив веки, и последовала за шефом, не забыв перекрыть воду и уведомить консьержа о нашем отбытии.

В машину садилась, мысленно отмечая все утренние задачи по пунктам. Вроде, ничего не забыла.

Перелёт дался легко. Два часа я просто спала в кресле, пока Поклонский пересматривал раздобытые мною отчёты по новой фирме.

На первый взгляд производство перспективное, но, насколько я поняла, имеет некоторые трудности в сбыте из-за санкций. Потому и продаётся на внутреннем рынке. Как придаток оно ценности не несёт, зато изготовление изделий для холдинга выгодно непосредственно нам, потому что это дешевле, чем закупать на стороне.

Не удивительно, что шеф заинтересовался предложением. Удивительно, что он решил сам туда ехать, а не послал кого-то другого.

— Марина, мы приземляемся, — мужской голос настойчиво вытаскивал меня из сна, но мне так хотелось ещё понежиться в пуховых облаках...

— Ещё несколько минут и я как штык, клянусь. Не убежит же Поклонский, в конце концов, — бурчу, обнимая подушку.

— Не убежит.

— Во-о-от... Обождёт со своей тиранией...

И только спустя секунду до меня дошло, кому и что я сказала!

Резко открыла глаза и вжалась в кресло, потому что шеф сидел напротив и пристально смотрел в моё лицо, наверняка, представляя себе во всех красках, как сжимает моё горло.

— Я...

— Можешь не объяснять, — равнодушно перебил он. — Пристегнись.

Захотелось отвесить себе подзатыльник. Ну кто спит, когда босс рядом? Конечно, на такое только чудачка Вавилова способна. Спящая красавица — находка для партизана.

Пристегнулась и прикрыла глаза ладонью, изобразив самый натуральный фейспалм. Потому что стыдно...

Симферополь встретил нас утренним туманом. Возле аэропорта уже ждала машина от встречающих. Водитель, жизнерадостный улыбчивый мужчина, забрал у нас багаж и приветливо мне подмигнул. Ответный широкий и, надеюсь, располагающий оскал ему явно пришёлся по душе, потому что всю дорогу он пробовал поговорить. Я знала, что шефу не понравится, поэтому пресекала любые попытки общения.

Ещё два часа мы наслаждались видами из окна. Надо сказать, что Крым имеет прекрасный ландшафт. Дорога постоянно виляет, а пейзажи меняются едва ли не со скоростью света. Я не успевала поворачивать голову, чтобы рассмотреть всё в подробностях. То величественные горы, чьи вершины скрыты пышной шапкой тумана, то леса. Боже, а какой здесь запах! Словами не передать.

Когда мы приехали в один из самых востребованных оте-

лей Ялты, то столкнулись с невероятной по масштабности проблемой! Сначала нас полчаса продержали на ресепшине, потом вышла администратор с ногами от ушей и широкой сексуальной улыбкой, перед которой моя профессиональная казалась лишь бледной тенью, и извиняющимся тоном поведала, что у них возникли трудности.

— Понимаете, у нас всё ещё бывают перебои электричества, из-за чего летит электроника, — начала она издалека, будто сама понимала, о чём вообще вещает. — Всё дело в том, что вы бронировали номера как раз в тот момент. А поскольку туристический сезон сейчас в самом разгаре, то...

— ...свободных номеров нет, — закончила я за неё. — Вы понимаете, что я не бронь брала, а оп-ла-ти-ла два люкс-номера в вашем отеле?

Меня едва не трясло от злости. Причин было много, но основная заключалась в том, что, если этот вопрос не решится сейчас же, мы опоздаем на встречу.

— Я понимаю, — мягко ответила девушка. — Мы вовремя не выявили ошибку, поэтому хотим предложить вам альтернативу.

— И какую же? — вздёрнула я бровь, ожидая, что сейчас нас поселят в простые номера с видом на город и горы.

— У нас есть свободные апартаменты для молодожёнов. Это стоит намного дороже, но мы сделаем вам скидку в качестве извинений за доставленные неудобства.

У меня не отвалилась челюсть только потому, что я умела

держат себя в руках. Повернулась и посмотрела на невозмутимого Поклонского, который, в свою очередь, сверлил взглядом старшего администратора.

Вот мне интересно, если выдать ему разрешение на убийства, с кого он начнёт?

— Я сейчас же займусь поисками свободных номеров по другим гостиницам, — сообщила ему, засовывая документы в сумочку. — Не думаю, что это отнимет много времени.

Была уверена, что Поклонский согласится, потому даже особого значения его ответу не придавала.

— Не стоит.

— Да, волноваться не стоит, — подтвердила я, вытаскивая смартфон из сумочки и открывая приложение для поиска отелей. И замерла, когда дошло.

— Что?

— Я сказал, что не стоит терять время. — И уже девушке: — Мы согласны.

Постойте! Что? Кто согласен? Семь дней в одном номере на двухспальной кровати?! Я против! Категорически, мать вашу!

Сдерживаясь от порыва броситься барину в ноги и начать молить, чтобы передумал, я попробовала всё же уговорить:

— Сергей Андреевич, может...

Меня прострелили взглядом «Заткнись и слушайся» и вернули внимание сексуальному администратору, которая очень — ну просто о-о-очень — приветливо ему улыбалась.

— Обещаю, вы останетесь довольны, — щебетала девушка, даже не представляя, на какие муки меня обрекла.

Она повела нас в тот самый номер, и мне ничего не оставалось, кроме как последовать за Поклонским.

Когда мы оказались на верхнем этаже перед открытой дверью я, простите, охренела. Апартаменты действительно были безумно дорогими, что отражалось в каждом элементе декора. А ещё терраса. Здесь была огромная открытая терраса с джакузи и видом на море, который скрывали лишь тончайшие белые занавески, отделявшие её от жилой площади. Светлое просторное помещение едва ли не со всех сторон заливало утреннее солнце, потому что в шикарном номере имелись ещё и панорамные окна.

Босс прошёл внутрь, впустил меня, кивнул девушке и, вложив купюру ей в ладонь, закрыл дверь перед симпатичным носом.

Всё было прекрасно, за исключением того, что в помещении не было ничего, что хоть отдалённо напоминало бы вторую постель. Диванчик перед телевизором, — и тот был непозволительно мал. Только широкая двуспальная кровать с огромным принтом сердца на одеяле.

Поклонский остановился возле неё и пристально разглядывал, вероятно, пытаясь испепелить сердце силой мысли.

— Ещё не поздно передумать, — заметила, подходя к нему.

Шеф повернулся и посмотрел на меня с ненавистным мне

равнодушием.

— Думаю, я сумею пережить тебя в своей постели. В конце концов, уже немало лет знаю.

Да уж. Точно. Немало.

Я развернулась, подхватила свою сумку и принялась раскладывать вещи в шкаф-купе, прикидывая, сколько времени у нас ещё осталось.

— Предлагаю позавтракать перед встречей. Минут сорок у нас ещё есть. — Голос старалась держать ровным, но волнительная дрожь всё равно проскакивала, и мне приходилось её откашливать, дабы замаскировать.

Шеф идею одобрил, и потому первым делом мы отправились в ресторан, где молча вкушали морские дары, ибо ни на что другое взгляд так не падал, как на всяких гадов.

Сразу после принятия пищи нас забрали из отеля и увезли на окраину города, где находился офис. Надо сказать, что встречавшая делегация отличалась сообразительностью, поскольку в первую очередь нас повели в офис вместо того, чтобы показать сиротливо приютившийся рядом цех. Честно говоря, мне не понравилось то, что административное помещение так близко к производству. Думаю, босс был того же мнения, но молчал, как всегда.

— Хорошо добрались? — раздался вопрос, когда мы вошли в переговорную.

На нас смотрел улыбчивый мужчина. Судя по тому, что сидел он во главе стола, это был генеральный директор «Юж-

Про-8», с которым нам и предстояло обговаривать условия сделки. Павлов Артём Алексеевич выглядел старше шефа, но был человеком радушным, чем разительно отличался от Поклонского. Я бы сравнила его с Карповым, но в последнем слишком много вольности в отношении окружающих.

— Добрались хорошо. Спасибо, — улыбнулась я, дабы самую малость смягчить обстановку, потому как Поклонский на подобные вопросы отвечать не станет, считая это пустой тратой времени, а время, как известно, деньги. — Для начала мы хотели бы...

— Для начала присаживайтесь, — перебил меня бархатистый баритон, от которого по спине поползли мурашки.

Я посмотрела на сидевшего за столом мужчину и удивлённо приподняла бровь.

Первое впечатление, надо сказать, оказалось положительным. Брюнет с серыми глазами в аккуратном строгом костюме смотрел на меня. Приветливо смотрел. С обаятельной улыбкой, которой я поставила четыре балла из пяти возможных. Выше только у его светлости Поклонского, но подозреваю, что ему моё сознание даёт высшую оценку по блату.

— Немного пообщаемся, введём вас в курс дела, а затем устроим совместную экскурсию.

Вот сейчас не поняла. В смысле — «совместную»?

— Что вы имеете в виду? — разнёсся по переговорной голос шефа. — Это уже решённый вопрос.

— Не совсем, — улыбнулся мужчина. — Меня зовут Сан-

ников Максим Валерьевич. И у нас с вами возникли некоторые трудности, Сергей Андреевич.

Я категорически не понимала, что происходит, но шеф почему-то воспринял ситуацию нормально. Он прошёл к столу, отодвинул стул и сел. Я собиралась последовать его примеру, но мне неожиданно заступил дорогу какой-то мужчина, отодвинул предмет мебели и... Короче, так в нашем холдинге не делали. Не принято. Да и в других подобных поездках за мной ещё не умудрялись ухаживать на официальных встречах.

Улыбнулась ему, кивнула и села на предложенное место, тут же раскладывая на столе файлы с собранными документами и смартфон, в котором сразу же набрала фамилию представившегося мужчины. Результаты поиска заставили нервно куснуть губу, ибо Санников Максим Валерьевич был ни кем иным, как бывшим владельцем данного предприятия. Успешный бизнесмен решил выкупить его обратно?

Покосилась на Поклонского, но тот ни одним мускулом не выражал недовольства или переживаний. Может, не так уж сильно нам нужен этот цех? С другой стороны, если бы он не представлял особого интереса, шеф точно отправил бы кого-то из представителей.

— Так уж вышло, Сергей Андреевич, — подал голос Павлов, — что Максим Валерьевич, бывший владелец предприятия, выразил желание выкупить его.

— Какое отношение это имеет к нашим договорённостям?

стям? — спокойно спросил босс.

А я вдруг подумала, что он невероятно раздражён. Ещё утро, но уже случились две неприятные непредвиденные ситуации, от которых любому перфекционисту точно свернёт крышечку. «Не по плану» — страшный зверь для Поклонского. Не представляю, что творится сейчас в его голове.

— Вы слышали что-нибудь о приоритетности покупателя? — спросил Санников с доброй насмешкой.

Бред какой-то. Уже ведь всё было решено. Оставались только осмотр и согласие босса.

— У нашего холдинга безукоризненная репутация, — возразил шеф.

— Но я бывший владелец, — улыбнулся Санников. — Кому, как не мне, должен отдаваться приоритет? Я хорошо знаю это предприятие и способен поднять его на ноги.

— У нас есть значительные ресурсы, чтобы «ЮжПро-8» устойчиво, — босс сделал акцент на слове, — функционировал и приносил прибыль региону.

Павлов вздохнул и промокнул лоб платком, понимая, что мериться своими достоинствами они могут долго.

— Послушайте, давайте сейчас не будем спорить. Я предлагаю для начала обсудить проблемы предприятия, а уже после этого делать выводы и устанавливать приоритеты.

Ну что сказать? Я была с ним солидарна.

Мы внимательно выслушали все замечания нынешнего директора, ещё раз просмотрели отчёты, а я даже записала

для босса некоторые высказывания касательно работников цеха. Мне показалось, что с ними стоит познакомиться поближе, потому что с трудом верилось в слова Павлова о том, что там золото, а не люди.

Обсуждение закончилось через час, только после этого нас повели в цех, который, судя по станкам, был в ужасном состоянии. Пометка о том, что нужно нанять независимых техников для осмотра оборудования, была внесена незамедлительно.

Пока я всё внимательно рассматривала, Санников нагнал шефа и предпринял попытку с ним пообщаться. Поскольку Поклонский плохой собеседник, разговор проходил не на тех радужных началах, с которыми бизнесмен подкатывал. Что-что, а задавать свою атмосферу босс умеет, как никто другой.

Я не вслушивалась в разговор, посчитав его за пределами своей компетенции, но вырвала фразу к концу экскурсии, которая показалась мне странной.

— Выбор у вас невелик.

— Посмотрим.

Поклонский обернулся и с прищуром взглянул на меня. Я сразу поняла, что всё, крышечку свернуло и надо рвать отсюда когти. Вызвала такси через приложение и встала подле босса, демонстрируя свою поддержку. Мой невозмутимый внешне начальник просто излучал подавляющую тёмную энергию, от которой хотелось свернуться в точку и ис-

чезнуть.

Павлов пригласил нас на ужин на следующий день и Поклонский принял приглашение коротким кивком. Внесла мероприятие в расписание, не забыв для себя отметить, что нужно скорректировать время для похода в тренажёрный зал.

Вернувшись в отель, шеф отправился в душ, а я остановилась посреди комнаты растерянным извоянием. Взгляд приковало к постели. Будь у меня свой номер, я непременно забралась бы на неё, чтобы передохнуть после напряжённого дня.

А сейчас?

Господи, я не смогу так, зная, что Поклонский через минуту выйдет из душа и будет держать меня в поле своего зренья. Я свихнусь. Честно.

Оставив мечты о мягкой кровати в покое, решила выйти на террасу, где удобно устроилась в плетёном кресле за столиком. Изумительный вид на море умиротворял, что было мне сейчас крайне необходимо. Раздрай в душе не позволял сосредоточиться на работе, а мысли всё время крутились вокруг проклятой кровати, на которой придётся спать рядом с мужчиной своей мечты.

Хотела Поклонского? Получи, Марина, распишись!

— Я собираюсь прогуляться, — раздалось из-за спины. — Ты со мной?

Эм-м-м... Я и прогулка по городу с боссом? Звучит как

очередная обязанность сопровождать.

Обернулась и обнаружила его у входа, вытирающим волосы белоснежным полотенцем. Скользнула взглядом по обнажённому торсу, усеянному сверкающими капельками, медленно скатывающимися вниз, ко второму полотенцу, обернувшему крепкие бёдра, и кивнула, утратив возможность нормально разговаривать. Слишком много сияния с его стороны и слюны — с моей.

— Тогда собирайся, я буду внизу.

Отвернулась и зажмурилась, чувствуя, как колотится в груди дурацкая мышца.

Развидеть! Мне срочно нужно развидеть этот секс!

К сожалению, не получалось. Похоже, его образ теперь будет преследовать меня везде. Во сне и наяву. Куда бы ни пошла и что бы ни подумала. Реакция как у собаки Павлова: Поклонский — сияющий шеф в полотенце.

Ну за что?!

С террасы я вышла только когда услышала, как закрывается дверь номера. Щёки всё ещё горели, как при ожоге, а любовная тахикардия проходить явно не намеревалась.

Включив душ, я глубоко вдохнула и, стиснув зубы, ступила под холодные струи воды. Уже не привыкать. А иначе не смогу успокоиться.

Ненавижу!

За одно только это ненавижу!

Глава 7

Я долго думала, что надеть. Вещей для повседневной жизни я почти не взяла, всё в основном офисное, но... белый сарафан для прогулок и шорты с футболкой всё же прихватила. И вот сейчас стоял нелёгкий выбор. По сути, я всё ещё на работе, раз собираюсь выйти с Поклонским в качестве сопровождения. Но насколько уместно будет надеть строгую юбку, если сам шеф вышел в футболке и шортах?

Махнув рукой, я подхватила сарафан. Заставит переодеться — не умру. Не впервой, в конце концов.

Шеф ждал на ресепшене. Сидел на мягком диванчике, листая газету. Когда я подошла к нему, окинул равнодушным взглядом и промолчал, чему я несказанно порадовалась.

Первым делом мы отправились на набережную. Я пыталась завести хоть какой-то разговор, но эта бесчувственная глыба льда была способна отвечать только односложно, что выводило меня из себя. В итоге плюнула и, увидев киоск с мороженым, решила не отказывать своему организму в удовольствии занять рот чем-то сладким. К тому же в такую жару просто необходимо было охладиться.

И вообще, это время я была занята только тем, что внутренне попискивала от восторга. Хотелось носиться вперёд и назад, тыкая пальце, то в безумно красивые здания, то в наглую чайку, пытавшуюся стащить у кого-то пакет с суха-

риками, то в восторженно визжащую девочку у парапета, которой только что показали, как выглядит «Ласточкино гнездо». И мне туда захотелось, но я понимала, что босс моего энтузиазма не разделит. Взрослому мужчине разве интересно смотреть на сказочный замок, построенный для туристов на отвесной скале?

— Как думаете, Сергей Андреевич, кому в итоге уступит Павлов? — спросила я, когда удалось успокоиться.

Поклонский улыбнулся краешками губ и прищурился, глядя на горизонт, куда закатывалось солнце.

— Мне. Не захочет подмочить репутацию. Кто Санников, и кто я?

Я искоса взглянула на него, с удивлением отмечая, что он спокойно разговаривает. Охотно. И это было открытием, потому что подобные диалоги у нас редкость.

— Судя по тому, как Павлов потел сегодня, ему трудно определиться с выбором.

Босс усмехнулся и кивнул.

— Это его трудности. Мы уедем отсюда с документами на руках, — сказал самоуверенно.

Будет забавно, если Санников утрёт ему нос. С другой стороны, шеф в таких вопросах никогда не ошибается. Если задумал что-то, то доводит до конца, даже когда случаются вот такие казусы в виде соперников.

Неожиданно возникло задание:

— Отмени все тренировки на неделе.

Я обернулась, оторвав взгляд от полосы безумно красивого заката и улыбнулась мужчине, который цепким взором рассматривал моё лицо.

— Вам нельзя, — ответила весело. — Вы сами говорили, что от спортзала вас могут отвлечь только три вещи: болезнь, работа и смерть.

— У нас завтра свободное утро. Хочу совершить пешую прогулку до водопада.

Я заинтересовано вскинула бровь и чуть отклонилась назад, держась за парапет.

— А мне с вами можно?

Поклонский усмехнулся, но кивнул. Что-то подсказывало, что он ждал этого вопроса.

Мы так нагуляли аппетит, что, вернувшись, сразу отправились в ресторан. Я чувствовала себя настолько замечательно, что даже позволила себе бокал вина в присутствии шефа. Тот, к слову, тоже был в прекрасном настроении. И это удивляло, ведь не всё сегодня шло так гладко, как хотелось бы. Но да ладно, день прекрасный, даже несмотря на то, нам предстояло как-то ютиться в одном номере.

Честно говоря, у меня возникла идея, и я собиралась воплотить её в реальность, потому что... Ну, потому что не представляла себя с Поклонским в одной постели. Это жутко неудобно. А вдруг я ночью на него ногу закину или ещё чего похуже вытворю? Мне страшно от одной только мысли, что он узнает о моих чувствах. Сколько презрения тогда будет в

его взгляде?

После принятия пищи я отправилась в душ, а шеф решил посетить закрытый бассейн. Не было его минут сорок, за которые я успела приготовить себе спальное место на миниатюрном диванчике. Ну а что? Я тоже не сильно большая, мне много не надо.

Правда, когда его светлость вернулся, меня одарили вздёрнутой бровью.

— Что это?

Я даже как-то растерялась, зная наверняка, что он всё понял, но хочет, чтобы я объяснилась самостоятельно.

— Не могу вас стеснять, — ответила тихо.

Несколько секунд он смотрел на меня, как на идиотку, затем подошёл к моему импровизированному спальному месту и сдёрнул подушку, отшвырнув ту на постель.

— Не страдай ерундой. Кровать в номере большая, никто никого не стеснит. Просто ложись и не раздражай меня своими нелепыми и неуместными попытками что-то исправить. Я не джентльмен, чтобы уступать огромную кровать, но и тебе спать не пойми как не позволю.

Я закусила щёку изнутри и выдохнула, очень надеясь, что справлюсь с собой во что бы то ни стало. Забралась в кровать прямо в халате и накрылась тонким покрывалом.

— Ничего не мешает? — равнодушно спросил шеф.

— Нет, — ответила тем же тоном, стараясь не обращать внимания на неудобный халат. — Я не предусматривала сов-

местное проживание, Сергей Андреевич.

Несколько мгновений в номере стояла тишина, а потом Поклонский как-то очень тихо, можно сказать, зловеще ответил:

— Я сейчас выключу свет и дам свою футболку. Раздевайся и не мучай себя подобными неудобствами. Завтра купим тебе пижаму.

И он действительно вытащил из шкафа белую футболку и подал её мне.

Я не знала, как реагировать. Совсем. Потому сидела как громом поражённая и пялилась на мягкую фирменную вещь в своих руках. Поклонский выключил свет, после чего лёг в кровать и укрылся, делая вид, что меня здесь нет. Выдохнув, я всё же сняла халат и положила его на прикроватную тумбочку, чтобы утром можно было без труда дотянуться, надела футболку и легла, укрывшись покрывалом.

До меня медленно доходило, что мы с ним совсем близко. Настолько близко, что одно неосторожное движение — и можно прикоснуться. Ощутить чужое тепло...

— Я слышу, как грохочет твоё сердце, — усмехнулся Поклонский. — Спи, Марина. Я не изменяю своим правилам.

Он лежал неподвижно и, наверное, отрубился, пока я внутренне сходила с ума от собственных чувств и реакций тела на подобную близость. Нужно ли говорить, что уснуть удалось только глубокой ночью?

Как же прекрасно подольше поваляться утром! Некуда спешить, можно нежиться в ласковых объятиях сна до победного. До того мига, пока не появится желание открыть глаза и встретить новый день.

Именно так я думала в первые мгновения, пока сознание всплывало на поверхность. А потом блаженное настроение резко схлынуло и мне пришлось принять неприглядную реальность, в которой я оказалась в коконе чужих рук. А ещё вернее, я руками и ногами обнимала спеленавшего меня Поклонского, который уткнулся носом в мою макушку и с удовольствием сопел в неё. И не столько это меня напрягло, сколько эрекция, толкавшаяся в моё бедро.

Честно говоря, я настолько ошалела от этого понимания, что не сразу сообразила, что, собственно, делать. Куда бежать и кого звать на помощь?

Осторожно стала выбраться из захвата, но меня сжали ещё крепче, и... Ладонь шефа проехала по пояснице прямо на мою...

— Сергей Андреевич, — пискнула я, пытаюсь его разбудить.

Попытка, откровенно говоря, была хреновой и эффекта не возымела, потому что сильные пальцы уже сжали то, что им сжимать не полагалось, а я...

Господи, кто бы только знал, что вытворяло моё сердце

в этот миг. Сумасшедшие пляски с бубном, не меньше. Мурашки по коже и отсутствие кислорода в лёгких до головокружения. К своему стыду, я понимала, что мне не хочется это прекращать, но как здравомыслящий человек, должна была остановить шефа. В конце концов, я не одна из его бабочек, чтобы благосклонно принимать подобные действия.

— Сергей Андреевич, вы... отпустите меня.

Поклонский отреагировал не сразу. Хмыкнул, давая понять, что проснулся, убрал руки и, приподняв голову, посмотрел по сторонам.

— Сколько сейчас?..

Подхватив с тумбочки халат, я обернулась в него, как в броню, после чего дрожащими руками схватила смартфон.

— Почти десять, — ответила сипло.

Вот это мы горазды поспать! Обычно шеф просыпается рано даже без будильника. Да и я привыкла к своему распорядку. Может всё дело в климате?

Не говоря ни слова, я вскочила с кровати, достала шорты и футболку из шкафа и быстро ушла в ванную комнату, стараясь ни о чём не думать и вообще настроить мозг на долгий продуктивный день. Но проблема была в том, что задач на сегодня не было. Только прогулка с Поклонским и ужин с Павловым. А вот впечатлений — уйма!

К счастью, контрастный душ помог прийти в себя. К тому моменту, когда я вернулась в комнату, босс уже пил кофе с планшетом в руках. Ни один мускул на его лице не дрогнул

по поводу утренней катастрофы, а вот я то и дело заливалась краской, как девчонка, и смотрела куда угодно, только не на него.

— Через двадцать минут выходим, — бросил шеф, поднимаясь из кресла. — Сначала завтрак, а потом прогулка. Собирайся, я пока в душ.

Для меня было странным, что временем теперь распоряжается Поклонский, но я всё равно кивнула. К тому же я сама вчера напросилась на это странное мероприятие.

Уже выходя из ресторана, я поняла, что не всё так просто, как могло показаться на первый взгляд. Его светлость заказал машину, которая довезла нас до тропы, а уже оттуда мы пошли, любуясь видами высокого леса и гор. Вокруг витал древесный аромат, от которого кружилась голова.

— Вы здесь были раньше? — спросила я, ступая по каменистой тропе. Хорошо хоть додумалась кроссовки обусть, а не летние балетки.

— В детстве, — равнодушно ответил его светлость, глядя далеко вперёд. — Это самая первая тропа, на которой я побывал.

Хотелось спросить, сколько он вообще знает подобных мест, но что-то подсказывало, что не ответит. Поклонский не из тех людей, кто делится такого рода информацией, но за восемь лет я поняла, что он любитель попутешествовать. Одни только командировки в Сибирь чего стоят. Каждый раз находил время на прогулку, хоть я и не спешила за ним. По-

моему, это уже слишком. Для меня предпочтительнее отдыхать в своём номере после тяжёлого трудового дня, пока он занимается своими делами.

— Осторожно здесь. — Он кивнул вперёд, предупреждая о крутом подъёме, и протянул руку, чтобы помочь взобраться.

Я замерла на мгновение, уставившись на его пальцы, и с ужасом поняла, что боюсь. Боюсь прикоснуться, потому что знаю, что нельзя.

Сердце громко стучало в груди, горло пересохло, а я стояла как в землю вкопанная.

Взгляд Поклонского неожиданно потемнел, наполняясь злыми тёмными тучами.

— Я не кусаюсь, — произнёс он холодно.

Нет? А кажется, что, если я сейчас же не воспользуюсь его помощью, он меня заживо сожрёт.

Выдохнув, я взяла его за руку и поддалась, когда потянул на себя, ухватил за талию и на краткий миг прижал к груди, заставив задохнуться от нахлынувшего чувства. Странного, горячего чувства, от которого внутри всё сжалось. Медленно, как во сне, сдвинулся назад и отпустил. Да так отпустил, что я вся пошла пятнами, потому что он заставил меня съехать по себе.

И смотрит глазами, на дне которых всё те же грозовые тучи. Холодно смотрит, будто знает, что со мной творится сейчас и готовится выговор сделать.

Я сглотнула и резко отступила на шаг. Хрена с два ему, а не мои эмоции!

Поклонский вообще никак не отреагировал. Повернулся и пошёл дальше. А меня будто дежавю накрыло. Он ведь сегодня так уже делал. Провокация, а затем полный игнор ситуации.

Я вздохнула, сунула большие пальцы в шлёвки на шортах и осторожно последовала за странным, очень странным бо-сом.

Дальше тропа была извилистой и сложной. Мы шли то в горку, то по крутому спуску, и в некоторых местах приходилось в прямом смысле хвататься за босса, чтобы не скатиться кубарем и не встретиться с сосной собственным хребтом, ибо кроссовки мои были явно не пригодны для этой ужасной тропы. Шеф же постоянно помогал вскарабкиваться и спускаться.

И вот вам загадка! На работе, значит, «Больше так не делай», а тут «Давай руку» и «Осторожно, не поскользнись. Иди аккуратно, я придержу». И вот чтоб мне на месте провалиться, если у этого поведения был переход. Кроме того, что мы спали в одной постели в обнимку сегодня утром.

— Что-то не так? — спросил Поклонский, скользнув взглядом по моему лицу. Я его не столько увидела, сколько ощутила.

— А нам ещё долго идти? — уточнила, чувствуя, как за-текает поясница.

Я, может, и бегаю в тренажерном зале, но это мало помогает, когда передвигаешься по горному склону то вверх, то вниз.

— Смотря что в твоём понимании долго, Марина, — странно ответил босс.

Это означало, что он вполне не прочь поговорить, чем я, собственно, и воспользовалась. Всё лучше, чем идти по тропе в молчании.

— Час-два? — коротко спросила я, осторожно переступив валун и ухватившись за тонкую сосну. — Больше я, наверное, не осилю, Сергей Андреевич.

Поклонский на миг обернулся через плечо и спросил так, что моё сердце едва не грохнулось в пятки:

— Если это долго, то что для тебя восемь лет?

Это был риторический вопрос. Наверное. По крайней мере, я очень хотела, чтобы он таковым являлся, потому что врать мне не хотелось. Не хотелось сравнивать это время с каторгой, рабством, самым ужасным временем в жизни тюремных заключённых.

— А для вас? — применила я тактику попугая.

Шеф ответил не сразу. Несколько долгих минут мы взбирались вверх, пока не вышли на смотровую площадку, где прекрасно было видно расположенный далеко внизу город, частично сокрытый лесом, и серо-голубой горизонт. Широкую полосу, где море сливалось с небом.

Кажется, я забыла, как дышать. На полном серьёзе, от

чувств перехватило дыхание.

— А для меня восемь лет пролетели незаметно, — ответил шеф и прошёл дальше.

Под небольшим ветвистым деревом, где проходила тропа, стояла лавка. Аккурат напротив перил, что оберегали туристов от падения с крутого склона. Поклонский сел и постукал ладонью, предлагая занять место рядом с собой. Я была уже уставшей и сил сопротивляться не имела, поэтому плюхнулась где приказали и глубоко вдохнула, снова вглядевшись вдаль. Но как только он заговорил, обернулась.

— Мне было десять, когда отец впервые привёл меня сюда, — начал шеф тихим голосом, отчего у меня сердце сбилось с ритма. В который раз? — Мы приехали сюда в его редкий отпуск. Мать не любила пеших прогулок, а мне нравилось проводить с ним время, — босс хмыкнул, глядя вперёд.

Я готова была поспорить, что перед его глазами была сейчас другая картинка, затмившая и красивый город, и горизонт.

— Что случилось крайне редко. Собственный сын не был уважительной причиной, чтобы бросить свой бизнес хоть на пару часов.

— Вы его ненавидели за это? — спросила осторожно.

Я боялась, что он замолчит. Перестанет говорить, ведь я не та, кому он мог раньше открыться. Что-то личное из его уст я слышу впервые. Обычно мне приходилось до всего доходить своим умом.

— Не за это, — хмыкнул Поклонский.

А я напряглась. Потому что не было в этом смешке ничего хорошего. Кожу будто холодом обдало от короткого жуткого звука, который я слышала много раз, чувствуя, как по спине ползут мурашки.

Он не продолжил. Умолк, вглядываясь в пейзаж и делая вид, что его ничего не волнует. Вот только я прекрасно его знала и видела, как едва заметно кривятся губы. Как он хмурит брови и сжимает пальцы, пытаясь совладать с чувствами. Негативными чувствами, от которых даже мне становилось, откровенно говоря, нехорошо.

Шеф повернул голову и посмотрел в мои глаза. Пристально, будто собирался отслеживать любую эмоцию, что в них проскользнёт.

— Ты когда-нибудь любила, Марина? — задал он короткий вопрос, от которого моё сердце оборвало стройный ритм.

Каких-то пять слов, а я заостенела от ужаса и горечи, что плеснула в душу кипящей лавой. Не нашла слов для ответа, потому что не знала, что он хотел услышать. Да и... больно было отвечать.

Сглотнула вязкую слюну и потёрла запястье, чтобы немного отвлечься от ситуации.

Секунды тянулись, а Поклонский всё ждал. Я чувствовала, как его требовательный взгляд скользит по моему лицу, но упорно давала понять, что эта не та тема, которую мне

хотелось бы с ним обсуждать.

— Почему ты молчишь? — уже более настойчиво.

— Потому что у меня на это не было времени, — глухо ответила я, не поворачивая головы. — Слишком была занята вами последние восемь лет.

И он снова хмыкнул, на этот раз оставив меня в покое.

— Мой отец влюбился, ещё будучи школьником. Влюбился так, что спустя многие годы готов был бросить жену и сына ради той, которая этого не заслуживала.

Я удивлённо посмотрела на шефа, пытаюсь понять смысл данного разговора.

— А мать догадывалась, но никак не могла уличить его в измене. Надеялась, что это только её домыслы. Что совершенно зря беспокоится, но... — Поклонский невесело улыбнулся. — В один прекрасный день всё стало очевидным. Тогда жизнь нашей семьи пошла под откос. Мать остервенела, а отец стал ещё реже появляться дома... пока не понял, что от его семьи зависит бизнес.

Я облизала губы и отвернулась, вспоминая что говорил Карпов. Сердце пропускало удары, а следующие слова, которые я смогла вытолкнуть, заставили съёжиться душу, ожидая ответа.

— Думаете, моя мать была настолько пропащей, что стала его любовницей?

Шеф стремительно повернулся и буквально впился в меня взглядом. А я застыла, боясь следующих секунд, что тя-

нулись густой смолой, пока Поклонский молчал.

Я знала, что он скажет. Знала, но всё равно не собиралась в это верить. Не смогла бы опорочить память о маме. О моей мамочке, что заботливо укладывала нас с девочками спать, рассказывая сказки о принцессах и драконах. О мамочке, которая каждое утро любовно собирала нас в школу. О мамочке, которая тысячи раз говорила, как сильно нас любит.

Но я всё равно ждала, что скажет мой босс...

— Говорят, яблоко от яблони недалеко падает. — Поклонский снова хмыкнул, продолжая изучать мой профиль тяжёлым пристальным взглядом. — Моя мать была педантична. Любовь к порядку, видимо, передалась мне по наследству. В усиленной форме.

Я повернулась, потеряв нить разговора. Посмотрела на него непонимающе.

— Что вы имеете в виду?

Его губы растянулись в усмешке, которую я никогда не любила. И которой всегда боялась.

Шеф поднялся с лавки, размяв шею.

— Я хорошо знал женщину, родившую тебя. Но постоянно забываю об этом. — И он двинулся вдоль перил вниз по тропе, совершенно позабыв о том, что позади осталась оторопевшая из-за его признания я.

Я резко подорвалась с места и в несколько шагов нагнала его, вцепилась пальцами в подол дорогой футболки и остановила. Кровь стучала в ушах, а в груди горело огнём. Хо-

телось его чем-нибудь придушить, но на холёной шее в этот раз не было галстука. А так бы не удержалась, ей-богу!

— Вы серьёзно думаете, что после всего сказанного сможете вот так уйти?! Сергей Андреевич, я требую объяснений!

Поклонский резко развернулся и вперился в меня острым как бритва взглядом. Медленно перехватил запястье удерживающей его руки и дёрнул на себя так, что я в него буквально впечаталась.

— А какое ты имеешь право чего-то у меня требовать, Марина? — проговорил зло, дыханием касаясь моих губ. — Достаточно того, что ты и так знаешь.

В его глазах не был привычный холод равнодушия. Поклонский был зол, и я даже не была уверена, что зол он был от моих действий и на меня. Но я тоже находилась в шоке от того, что только что услышала. От этих ужасных намёков, брошенных так, будто слова были пустым звуком и не имели веса!

— А что я знаю? — выдохнула я. — Что вы считаете мою погибшую мать любовницей своего отца? Женщиной, разрушившей вашу «идеальную» семью?

Шеф смотрел на мои губы, с которых срывались слова, и шурился, о чём-то размышляя, а меня уже было не остановить.

— Это не может быть правдой, Сергей Андреевич! Не может, понимаете? Мама никогда не предала бы ни папу, ни нас

с девочками! Вы можете считать её кем угодно, но не предательницей! И не смейте мне говорить, что я такая же! А если и так, то дети не отвечают за поступки своих...

Я даже понять ничего не успела, как Поклонский рвано выдохнул и прижал меня к себе, заткнув мой рот поцелуем и заведя мои руки за спину. На мгновение почувствовала себя жертвой в лапах паука, но уже через долю секунды оторопела. Потерялась в прострации и собственных ощущениях.

А ещё через миг разорвалась на мелкие осколки на мелкие осколки взорвалась осознанием происходящего.

Он целовал жадно. Так, будто знал, что это первый и последний раз. Так, будто это вообще тот единственный момент, когда можно сделать глоток вожденной воды... или окунуться в прохладный водоём в бесконечной знойной пустыне перед тем, как продолжить путь.

Меня же пробрало до основания. Несчастное сердце сжалось, а затем застучало так, что пульс забил по вискам.

Губы обжигало страстью, жадностью и диким желанием, которое ни он, ни я не могли обуздать. Кислорода в лёгких катастрофически не хватало, хотя мы и пытались урвать ещё глоток, чтобы не останавливаться. Чтобы продлить эту сладкую ошибку в отношениях между ним и мной.

Когда он оторвался от моих губ и посмотрел в глаза, я увидела ту же растерянность, которая подползала к моему сознанию. Непонимание, как такое могло случиться.

Поклонский выпустил меня из объятий, сжал зубы и вы-

дохнул сквозь них, пытаясь совладать с собой, что явно получалось плохо.

— Всегда считал, что это самый действенный способ заткнуть женщину, — выдал он, облачая слова в сталь и понижая температуру взгляда, коим внимательно рассматривал моё наверняка потрясённое лицо.

Я была в шоке. В ужасе. В оцепенении.

Он только что повторно перевернул мой мир, а мне даже ответить нечего, потому что... Потому что больно. Больно настолько, что хочется взвыть.

И убить!

Убить этого гада хладнокровного, в чьей черепной коробке вместо тёплого мозга холодное желе с рассудком!

— Вы сейчас поцеловали меня, чтобы я замолчала? — уточнила сипло, стараясь взять себя в руки и удержать их от забивания собственного босса булыжником, коих под ногами валялось бесчисленное множество.

Поклонский вздёрнул бровь. Этот жест обычно означал «Ты что-то имеешь против?». Но, подозреваю, в данном контексте имелось в виду что-то другое. Мне, честно говоря, было уже наплевать, ибо единственное, о чём удавалось гадать — это предпочитаемый им же цвет гроба, в котором я буду его хоронить. Ладно, не его, но всё то светлое, что к нему питала — точно.

Видимо, не имея желания отвечать ни на один из моих вопросов, шеф развернулся, чтобы уйти, но... Вавилова Мари-

на Александровна, сегодня была в ударе! И, видимо, в её запутанном и шокированном лабиринте мыслей что-то пошло не так...

Снова схватив босса за футболку, я дёрнула ткань на себя и была сильно удивлена, когда Поклонский не удержал равновесия и поскользнулся на камне. Упав на меня же. Такую тушу ни оттолкнуть, ни удержать я была неспособна, поэтому на землю полетели мы оба. Причём я пострадала сильнее, когда шеф своим весом приземлился ровнёхонько на мою ногу.

По лесу разнёсся вой, от которого даже стая птиц испуганно взмыла с деревьев в небо. Я искренне посчитала, что у меня перелом. Как минимум всего тела.

Когда шеф слез с меня и схватил мою же ногу, не позволяя мне подняться, я искренне верила, что всё... Теперь я точно пережила с этим мужчиной всё, включая первую серьёзную травму. Но знаете, в чём несправедливость? Это даже не отпуск!

Глава 8

— Это не перелом.

Угрюмо взгляну

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.